

14

ВОПРОСЫ ОБ ЭТИКЕ И МОРАЛИ

**Не чужой кодекс, а свой собственный
осуждает человека, и потому все люди
живут в ощущении вины**

— Клайв Льюис

ЧТО ТАКОЕ ЭТИКА И МОРАЛЬ?

Слова *этика* и *мораль* (*нравственность*) часто употребляют в качестве синонимов. Говоря об этике, мы имеем в виду устоявшийся набор принципов, в соответствии с которыми оценивается человеческое поведение. В этом смысле этика дает нам мерилло для суждений в области *морали*. Этику можно назвать сводом законов или предписаний, выполнять которые должен каждый человек. Иными словами, этику можно рассматривать как набор стандартов (образцов, норм), на основе которых мы оцениваем человеческое поведение и определяем, хорошо оно или дурно с точки зрения нравственности. Понятие *нравы* (*mores*) обозначает поведение людей — хорошее либо дурное; однако если нет *нравственных* законов (этики), то говорить о суждениях в области морали бессмысленно.

Нравственность (то, что должно быть)	Нравы (то, что есть)
Предписание	Описание
Закон	Жизнь
Стандарт	Поведение

Мы должны понимать, что в отсутствие этических стандартов моральные суждения невозможны. Если бы Бога не было, и во вселенной не было никаких объективных законов, кроме законов физики и химии, то любые моральные суждения были бы абсурдом. Мы вовсе не утверждаем, что атеисты или материалисты неспособны к моральным суждениям; мы только говорим, что у них нет подлинной основы для суждений в области морали. Льюис описывает, какой была бы жизнь, если бы все человеческое поведение сводилось к законам природы:

«Если верна точка зрения природоверов, «я должен» – то же самое, что «я икаю» или «меня тошнит». В жизни, когда скажут «я должен», мы говорим «ты прав» или «ты ошибся». В мире же природоверов (если они и впрямь выносят свою философию за пределы книг) отвечать надо: «Вот как?» Ведь нравственные суждения свидетельствуют лишь о чувствах судящего».¹

Иными словами, если все моральные суждения сводятся к описанию того, что есть, то не существует логического основания для того, как должно быть. Законы природы просто описывают то, что есть. Клайв Льюис, развивая эту мысль, делает вывод, который кажется нам особенно важным в контексте этой главы:

«Ведь говоря, что падающий камень всегда подчиняется закону тяготения, мы, в сущности, подразумеваем, что «камни делают так всегда». Не думаете же вы, в самом деле, что камень вспоминает веление лететь к земле. Вы просто имеете в виду, что камень действительно падает на землю. Иными словами, вы не можете быть уверены, что за этими фактами скрывается что-то, кроме самих фактов, какой-то закон о том, что должно случиться, в отличие от того, что случается».

Законы природы, применительно к камням и деревьям, лишь констатируют то, что происходит. А вот когда вы обращаетесь к естественному закону, к закону порядочного поведения, вы сталкиваетесь с чем-то совсем иным. Этот закон, безусловно, не означает «того, что люди действительно делают» – как я говорил раньше, многие из нас не подчиняются ему совсем, и ни один из нас не подчинился ему полностью. Закон тяготения говорит вам, что сделает камень, если его уронить; закон же нравственный говорит о том, что люди должны делать и чего не должны. Иными словами, когда вы имеете дело с людьми, то, помимо простых фактов, подлежащих констатации, есть еще какая-то приходящая сила, стоящая над фактами. Перед вами факты (люди ведут себя так-то); но перед вами и нечто еще (им следовало бы вести себя так-то).²

¹ Льюис К. С., «Иуда». Собрание сочинений в 8 томах, том 7. Москва: Фонд им. Александра Меня, 2000. – стр. 172.

² Клайв С. Льюис, «Просто христианство» (Гендельф, 1994), стр. 40.

Различие между «тем, что есть» и «тем, что должно быть» – коренное различие между людским поведением (нравами) и законом человеческой природы, или естественным законом (нравственностью). Когда этого различия нет, грань между нравами и нравственностью стирается: то, «что должно быть», просто сводится к тому, «что есть». Нравственные поступки из области этического переходят в область социально приемлемого; Этическое определяется этическим – общество само решает, что нравственно, а что нет.

Мы намерены показать, что отношение к морали как к чему-то субъективному и относительному естественным образом приводит к краху всех и всяческих ценностей. Но вначале мы еще раз вкратце подытожим выводы, к которым пришли в ходе исследования первопринципов.

СУЩЕСТВУЮТ ЛИ АБСОЛЮТНЫЕ НАВРСТВЕННЫЕ ЗАКОНЫ?

Академическая дисциплина	Выводы из основных принципов
Логика (закон непротиворечия)	Законы логики должны быть объективными и универсальными по своей природе. Объективное мышление – необходимая предпосылка для истины и всех областей научного познания.
Философия (неизменность реальности как точка отсчета)	Истина (знания о реальности) познается разумом. Утверждение, соответствующее реальности, истинно. Реальность должна быть неизменной. Эта точка отсчета придает смысл философским исканиям.
Наука (причинно-следственная связь; второе начало термодинамики)	Объективное мышление (законы логики) и принцип причинно-следственной связи – необходимые условия, без которых наука невозможна. Второе начало термодинамики занимает господствующее положение в науке и подтверждает истинность постулата о существовании бесконечно могущественной и разумной Первопричины.
Закон (всеобщий стандарт)	Естественные и неотъемлемые права есть только у людей. Права человека не основаны на произвольных решениях того или иного правительства. Кроме того, справедливость требует существования объективного и всеобщего нравственного закона (стандарта), трансцендентного по отношению к законам общества.

Мы уже убедились в надежности естественного закона, или того, что Льюис называл «законом человеческой природы». Теперь поговорим об этом же подробнее – с личной точки зрения. В таблице приведены выво-

ды, сделанные нами в предыдущих главах на основе первопринципов. Сейчас мы хотим поговорить о всеобщем нравственном законе на уровне отдельного человека и о существовании моральных обязательств личности. Люди обычно признают, что с точки зрения нравственности нацисты были бесчеловечны и виновны в «преступлениях против человечества». Но при этом те же люди нередко переходят на диаметрально противоположную позицию – отрицают существование объективных и обязательных для каждого нравственных законов. Главный аргумент обычно звучит так: этика – дело субъективное и личное.

Мы выяснили, что нравственные абсолюты действительно существуют; мы показали, что бывает, если ими пренебрегать. Мы пришли к выводу, что в Нюрнберге свершилось правосудие – на основании очевидных истин и нравственных абсолютов, о которых сказано в Декларации независимости. Мы видели – и на примере Нюрнберга, и на примере Берлина, – что эти нравственные абсолюты служат фундаментом для гражданского права всех государств. Более того: за нарушение этих нравственных законов каждый отвечает перед собственной совестью. В конце десятой главы мы привели следующую цитату из книги Клайва Льюиса:

«Итак, я хочу обратить ваше внимание на две вещи. Первое: во всем свете люди принимают любопытную мысль о том, что они должны вести себя определенным образом, и не могут от нее отделиться. Второе: в действительности они себя так не ведут. Они знают естественный закон и нарушают его. На этом основано то, как мы понимаем самих себя и мироздание, в котором живем».³

По мнению Льюиса, все люди осознают, что нравственный закон есть и что он обязателен для всех, но при этом они не в состоянии ни соблюсти его, ни избавиться от него. Именно на этих двух фактах, писал он, и основано здравое мышление. «Если эти две вещи так важны, – добавляет Льюис, – мне следует остановиться, проучить основу, прежде чем идти дальше».⁴ Мы уже упорчили эту основу, показав, что нравственный закон – не просто результат общественного договора, как, например, система образования. По словам Льюиса, если мы узнали нечто от родителей и учителей, это не обязательно означает, что это «ничто» придумано людьми. Основные законы логики или физики преподаются учителями в разные времена и в разных странах и не меняются в зависимости от культуры и эпохи. То же верно и по отношению к всеобщим нравственным законам. Это хорошо видно на примере моральных суждений. Называя поступок (например, деяния нацистов) добрым или злым, мы, по сути дела, оцениваем его на основании нравственного закона. Вот почему всеобщие нравственные законы не могут не существовать.

³ Клайв С. Льюис, «Просто христианство» («Гендальф», 1994), 21.

⁴ Там же.

Мы показали также, что если бы нравственные законы были непознаваемы, то не было бы смысла выносить какие-либо суждения в области морали, и нравственный прогресс был бы невозможен. Ведь нравственный прогресс означает приближение к лучшему нравственному состоянию, а не удаление от него. В противном случае все разговоры о том, что та или иная моральная идеология лучше прочих, были бы бессмысленны. Только когда есть некое мерило нравственности, некий моральный стандарт, – только тогда можно говорить о том, что те или иные идеи в области морали соответствуют этому стандарту больше, чем другие.

Следую основой всех суждений общественный договор – всего лишь одна из попыток избавиться от веры в объективные ценности. Две другие популярные теории сводят этику к человеческим инстинктам и/или человеческим эмоциям. Клайв Льюис в своих книгах «Просто христианство» и «Человек отменится» опровергает эти теории. Вряд ли мы сможем сказать лучше, чем этот выдающийся мыслитель; поэтому просто изложим его аргументы.

ЭТИКА – ВСЕГО ЛИШЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ИНСТИНКТЫ?

Для начала нужно выяснить, что же такое человеческие инстинкты. Словарь Вебстера определяет их следующим образом: «Врожденная тенденция к поведению, в той или иной степени характеризующему какой-либо вид; естественный, не приобретенный способ реакции на возбудителя». В психоанализе инстинкт определяется так: «первичная биологическая потребность (к примеру, голод), требующая реакции (принятия пищи), в результате которой ослабевает напряжение; в число человеческих инстинктов принято включать инстинкт самосохранения, половое влечение и иногда агрессию».⁵ Отличается ли такое понимание инстинктов от нравственного закона? Да, отличается! Действительно, говорит Льюис, иногда мы испытываем побуждение помочь другому человеку, и это желание, несомненно, можно объяснить инстинктом самосохранения человечества – стадным инстинктом. Но Льюис отмечает также важнейшее различие между желанием помочь человеку и чувством, что помочь нужно, хотим мы того или нет.

«Предположим, вы слышите крик о помощи. Возможно, вы почувствуете два желания: одно – помочь (в силу стадного инстинкта) и другое – держаться подальше от опасности (в силу инстинкта самосохранения). Однако в дополнение к этим двум импульсам вы обнаружите третий, который говорит, что вам надо следовать тому импульсу, который толкает вас помочь, и подавить в себе желание

⁵ D. Guralnik, ed., Webster's New Dictionary of the American Language (New York: Simon & Schuster, 1982), 730.

⁶ Непознанные основы

убежать. Побуждение, которое судит инстинкты и решает, какому из них следовать, какой – подавить, не может быть ни одним из них. Вы могли бы с таким же основанием сказать, что ноты, которые указывают, по какой клавише ударить в данный момент, – одна из клавиш. Нравственный закон говорит нам, какую мелодию играть; наши инстинкты – только клавиши».⁶

Далее Льюис объясняет затруднения, которые испытывает человек, когда два инстинкта противоречат друг другу. В этом случае победить, несомненно, должен тот из двух, который сильнее. Именно в этот момент борьбы двух инстинктов мы острее всего осознаем нравственный закон: он-то обычно и говорит нам, что из двух инстинктов нужно выбрать более слабый. В случае, о котором пишет Льюис, стремление к собственной безопасности (инстинкт самосохранения) гораздо сильнее стремление помочь человеку в опасности (стадный инстинкт); однако нравственный закон настойчиво напоминает о себе. Нравственный закон, пишет Льюис, часто подсказывает нам, какой импульс нужно усилить:

«Нам часто хочется подбодрить свой стадный инстинкт, мы возбуждаем в себе воображение и жалость, чтобы у нас хватило духу сделать доброе дело. И конечно же, мы действуем не *инстинктивно*, когда стимулируем в себе эту потребность. Голос внутри нас, который говорит: «Твой стадный инстинкт спит, пробуди его», – не может сам принадлежать стадному инстинкту... Строго говоря, нет хороших и плохих импульсов. Вернемся снова к примеру с пианино. На клавиатуре нет двух разных клавиш – верных и неверных. В зависимости от того, когда какую мы ноту взяли, она прозвучит верно или неверно. Нравственный закон – не отдельный инстинкт или какой-то набор инстинктов. Нечто (назовите это добродетелью или правильным поведением) направляет наши инстинкты, приводит их в соответствие с жизнью».⁷

Нравственный закон, утверждает Льюис, – это не просто «еще один инстинкт». Если бы было так, нам пришлось бы признать, что бывают «хорошие» инстинкты. Но это не так. Нет таких инстинктов, которые нравственный закон время от времени не повелевал бы нам подавлять; нет и таких

инстинктов, которые нравственный закон время от времени не повелевал бы нам поощрять. Льюис упоминает и об опасности, которая возникает, когда какой-либо инстинкт начинает главенствовать над остальными, и людей заставляют повиноваться ему, чего бы это ни стоило. Это подтверждают примеры истории – в частности, инстинкт «выживания наиболее приспособленных». Гитлер сделал его нацистской догмой и упорно ему следовал; результат закономерен – массовый геноцид.

Итак, мы приходим к выводу, что нравственность – это больше чем инстинкт. Но почему нравственность и этика не могут быть просто порождением человеческой психики?

ЭТИКА – ПРОСТО ПРОЯВЛЕНИЕ ЧУВСТВ?

Ответ на этот вопрос будет довольно длинным, но мы просим вас не пожалеть времени и внимательно прочесть следующие аргументы. Необходимость в столь пространным ответе вызвана как популярным мнением о субъективности этики, так и тем, что современная психология и социология уделяют внимание прежде всего эмоциям и чувствам, а не нравственной ответственности. Мы не осуждаем психологию и социологию в целом, так как эти науки, конечно же, приносят огромную пользу, помогая понять природу человека и его поведение в обществе. Но эта польза часто перечеркивается тем вредом, который они нанесли нашему коллективному пониманию нравственной ответственности и этики. Когда общество неправильно воспринимает природу человека и сбрасывает этику со счетов, рассматривая ее просто как проявление эмоций, – это очень опасно. Остальное лишь дело времени – рано или поздно общество начнет пожирать горькие плоды подобных воззрений. Мы считаем, что именно это происходит сегодня в Соединенных Штатах.

Ниже приведена цитата из книги Соломона Шиммеля «Семь смертных грехов». Автор делает краткий обзор основных направлений современной психологии, основной акцент в которых приходится на чувства и эмоции:

«Психоанализ перекладывает бремя *нравственной ответственности* со взрослого человека на его родителей и на то, что происходило с ним в детстве. Психоанализ признает *силу похоти*, но считает, что недостаток контроля лучше, чем его избыток. Бихевиоризм уделяет внимание прежде всего поступкам, а не размышлениям о том, хороши они или плохи... Сторонники терапии Адлера (или индивидуальной терапии) признают *силу гордыни*... Но поскольку первоочередная цель этой терапии – помочь человеку избавиться от чувства неполноценности, она часто склоняется в сторону гордыни и недооценивает важность смирения... Гештальт-терапия занимается в первую очередь настоящим; она не возвращает

⁶ См. выше, стр. 34–35 (курсив наш).

⁷ Там же, стр. 35–36.

прошлого и не заботится о будущем. Главное в ней – наши чувства, а не мысли. Она также поощряет чрезмерные проявления чувств, в частности, гнева и обиды. В этом смысле гештальт существенно отличается от традиционного подхода к эмоциональным проблемам и недостаткам характера... Рационально-эмоциональная и другие виды когнитивной терапии... говорят, что чувства вины и стыда – следствие нашего собственного неправильного и иррационального мышления, и от них нужно избавляться.⁸

Таковы направления современной психологии; однако в обращении к субъективной этике нет ничего нового – Клайв Льюис критиковал ее еще в 1943 году, в книге «Человек отменяется». В этом труде Льюис анализирует содержание книги двух авторов, пытавшихся свести все объективные оценочные суждения к субъективным чувствам и эмоциям. Из уважения к авторам Льюис, как требует того профессиональная этика, не упоминает подлинных имен и названий. Он использует выдуманное название – «Зеленая книга» – и дает авторам вымышленные имена – Кай и Тит. Льюис ощущала необходимость ответить на «Зеленую книгу», потому что она предназначалась для изучения в старших классах – как пособие для сочинений по английскому языку. Но речь-то в ней шла о гораздо более серьезных вещах! Льюис предупреждал: «В том-то и сила Кая с Титом, что они обращаются к детям – к существам, которые просто «готовят уроки», не помышляя, что в игру вступила этика, теология и политика».⁹

Далее Льюис объясняет, что «Зеленая книга» преподает детям не теорию как таковую, а основное допущение, которым руководствуются авторы. Это допущение – уверенность в том, что все ценностные суждения субъективны и неважны, что это «всего-навсего» индивидуальные проекции испытываемых человеком чувств. Льюис прекрасно понимает, что будет, если ученики подпадут под влияние этих идей. Он пишет: «Некое мнение, которое принесет плоды через десять лет; он не вспомнит, где он о нем читал, оно всосется в душу и определит его позицию в споре, когда он и знать не будет, что идет какой-то спор».¹⁰ В качестве примера Льюис приводит один из уроков «Зеленой книги», явно выходящий за рамки предмета – сочинение по английскому языку. «Таковы плоды урока английской словесности, в которой словесности этой места не хватило. Вот и еще одну часть человеческих ценностей отняли у детей, пока они не могут сами разобраться во всем».¹¹

⁸ Solomon Schimmel, *The Seven Deadly Sins: Jewish, Christian, and Classical Reflections on Human Psychology* (New York: Oxford University Press, 1997), 7–8 (курсив наш).

⁹ Льюис К. С., «Человек отменяется». Собрание сочинений в 8 томах, том 3. Москва: Фонд им. Александра Мена, 2000. – стр. 375.

¹⁰ Там же, 375.

¹¹ Там же, 377.

Льюис подчеркивает, сколь велика ответственность учителей, которым предстоит воспитать в детях верное понимание этики. «Согласно Аристотелю, цель воспитания в том, чтобы ученик любил и не любил то, что должно. Когда придет пора сознательной мысли, такой ученик легко отыщет основания этики; человек же испорченный не увидит их и, скорее всего, не сумеет жить достойно. Еще раньше Платон сказал то же самое».¹² Правильное понимание этики Льюис называл доктриной объективной ценности, определяя ее следующим образом:

«Все они считают, что одни действия и чувства соответствуют высшей истине, другие – не соответствуют... Поскольку оценки наши свидетельствуют о признании объективного закона, чувства могут быть в ладу и не в ладу с истиной. Само по себе чувство – не суждение, и потому оно вневременно разуму. Однако оно может быть разумным и неразумным, в зависимости от того, сообразно оно или не сообразно разуму. Сердце не заменяет головы, но должно подчиниться ей».¹³

По наблюдениям Льюиса, взгляды Кая и Тита на этику красной нитью проходят сквозь всю «Зеленую книгу». Льюис приходит к выводу, что намерением авторов было отвлечь детей от традиционных ценностей и предложить им взамен новые, иные. При этом, добавляет он, этот новый набор ценностей существует в совершенно другом мире – в мире чистого субъективизма. Это «мир явлений, лишенных объективной ценности, и мир чувств, не поверяемых истиной или ложью, правдой или неправдой».¹⁴ В таком мире никогда не будет гармонии между мыслью и чувством, между головой и сердцем.

Если мы научим молодежь считать, что факты – это одно, а ценности – совсем другое, последствия будут весьма и весьма серьезными. На уровне личности эта дихотомия между фактами и ценностями превращается в дихотомию между «что» и «кто». Иными словами, то, что мы делаем (наша репутация в обществе), не обязательно иметь отношение к тому, кто мы есть (к нашей личности). На практике это означает, например, что хороший специалист вовсе не обязан быть порядочным человеком.

Согласно этому разделению фактов и ценностей, ради карьеры, популярности и власти можно пойти на все. При этом работать над собой и совершенствовать свой характер вовсе не нужно – власть и сила превыше характера. Не нужно говорить о том, на каких высотах проявляется это раз-

¹² Льюис К. С., «Человек отменяется». Собрание сочинений в 8 томах, том 3. Москва: Фонд им. Александра Мена, 2000, 379 (курсив наш).

¹³ Там же, 380.

¹⁴ Там же, 380.

деление – особенно в политической жизни, где имидж политика не связан с его честностью. Конечно же, это наводит на грустные мысли о нашем обществе, ибо такое разделение происходит и среди людей, занимающих самые высокие должности. Еще печальнее то, что американцев больше интересует то, как избранный кандидат справляется со своими обязанностями (что он делает), чем то, насколько он честен (кто он на самом деле).

Это нравственное разложение не ограничивается сферой политики. Со скоростью эпидемии оно распространяется и среди представителей других профессий. Исследование, проведенное журналом *"Time"*, показало, что нравственный упадок в деловом мире, на политической арене, среди юристов и медиков – непосредственный результат человеческой гордыни. *"Time"* пишет, что представители этих профессий имеют тенденцию «закрывать глаза на неэтичное поведение коллег», и что их стремление избежать моральной ответственности вызвано не чем иным как «одержимостью собой и собственным имиджем».¹⁵

Мало того, что наше общество вполне привыкло к такому лицемерию; мы еще и стремимся в нем преуспеть! Недавно вышла в свет написанная двумя авторами книга под названием «Сорок восемь законов власти». На обложке написано, что эта книга «аморальна, хитра, безжалостна и поучительна... Синтез результатов глубокого исследования трудов великих мыслителей – Макиавелли, Сунь-Цзы, Карл фон Клаузевиц, – а также наследия государственных деятелей, завоевателей, обидистелей и жуликов всех времен и народов... Сорок восемь законов власти позволяют разгадать чужую стратегию, объяснить, какую тактику применять, а какой – избегать».¹⁶

Отдадим должное авторам – они старались быть объективными, наблюдая и фиксируя, что необходимо для захвата и удержания власти. Небольшой отрывок из предисловия книги дает представление о том, к чему стремятся многие люди в нашем обществе, и какими способами достигаются цели. Авторы пишут:

«Никто не хочет меньшей власти; все хочет большей. Однако в сегодняшнем мире опасно открыто выказывать чрезмерную жажду власти. Мы вынуждены производить впечатление людей честных и порядочных. Приходится вести себя тонко – быть чутким, но хитрым, демократичным, но изворотливым. Эта игра, эта постоянная двойственность больше всего напоминает динамику власти при дворе. На протяжении всей истории двор всегда формировался вокруг человека, облеченного властью, – короля, королевы, императора и так далее. Положение придворных всегда было шекотливым. Придворный должен был служить своему господину

«титулу, но если он явно выслуживался и слишком откровенно пресмыкался, другие придворные замечали это и пресекали. Поэтому благодатность господина нужно было заслуживать хитростью. И даже самые опытные и изощренные в дворцовых играх придворные были вынуждены обороняться от «коллег», которые только и ждали их падения...»

Удачливый придворный со временем усваивал правила игры: никогда он воизнал нож в спину своему противнику, на руке у него была бархатная перчатка, а на лице – милейшая улыбка. Не прибегая к принуждению или к прямому предательству, идеальный придворный добивался своего с помощью совращения, обаяния, обманов и хитрости, всегда рассчитывая свои ходы на несколько шагов вперед. Придворная жизнь была бесконечной игрой, требовавшей постоянной бдительности и стратегического мышления. Это была цивилизованная война... Двор считал себя верхом утонченности, но под этим блестящим покровом кипел и бушевал котел самых низменных страстей – жадности, зависти, похоти, ненависти. Сегодняшний мир тоже считает себя вершиной справедливости, но внутри нас живут все те же отвратительные эмоции».¹⁷

Сочетание власти и гордыни очень сильно портит человека. Эта дихотомия общественного положения и личной нравственности, эта жажда власти вкупе с желанием сохранить репутацию напрямую ведет к тому, что Льюис называл «человеком бесчувственным». По его словам, если авторы «Зеленой книги» (а также те, кто санкционирует и пропагандирует субъективизм в этике) добьются своего, то идеалы, которые мы надеемся привить молодым людям, утратят силу. Эти качества – смелость, любовь к истине, надежность, честь – долго считались отличительными свойствами цельной и добродетельной личности. Льюис сокрушается:

«Жизнь наша настолько смешна и печальна, что мы неотступно мечтаем о тех самых качествах, которые сами же подрубам на корень. Разверните газету – там написано, что нам насущно необходима «инициатива», или «творческий дух», или «жертвенность». По какой-то нелепой простоте мы вырезаем нужный орган и требуем, чтобы организм работал нормально. Мы лишаем людей сердца и ждем от них живости чувств. Мы смеемся над благородством и угаасаемся, что вокруг столько подлецов. Мы осклапьем мужчин и требуем от них потовства».¹⁸

¹⁵ Ezra Bowen, "Looking to Its Roots", *Time*, May 25, 1987, 26 (курсив наш).

¹⁶ Robert Greene and Joost Elffers, *The 48 Laws of Power* (New York: Penguin, 1998), dust cover.

¹⁷ Там же, XVII – XVIII (курсив наш).

¹⁸ Льюис К. С., «Человек отменется». Собрание сочинений в 8 томах, том 3. Москва: Фонд им. Александра Меня, 2000. – стр. 382.

Затем Льюис подводит нас к кульминации своих рассуждений: «Считают ли такие деятели, как Кай и Тиг, свою работу средством достижения какой-либо цели?» Он настаивает на том, что это так, и что их цель – это как раз та идея, из-за которой «Зеленая книга» и вся философия субъективных ценностей опровергают сами себя:

«Быть может, они хотят привить эти ценности не потому, что считают их соответствующими истине, а потому, что считают их полезными для общества... Нам важна сейчас не цель их, а сам факт, что цель у них есть. Упорно отказываясь назвать ее «хорошей» и называя «полезной», они хитрят. Можно спросить их: «Кому и чему она полезна?» В конце концов им придется признать: что-то кажется им *хорошим само по себе*. Ведь книжка написана, чтобы убедить ученика, а только злодей или слабоумный убеждает другого в том, что не считает правильным...»

Многие из разоблачающих традиционные ценности (сами они скажут «сентиментальные»), хранят верность другим, своим, которые кажутся им застрахованными от разоблачений. Они потому и отрицают чувствительность, набожность или сексуальные запреты, чтобы дать место под солнцем ценностям «реалистическим».¹⁹

Льюис заканчивает свое исследование тем, что в этике не обойтись без практических выводов, опираясь на один только факт. Иными словами, если сторонники изложенной в «Зеленой книге» философии считают, что их способ мышления поможет сохранить общество (что они представляют как констатацию факта), то из этого вовсе не следует, что *сохранять общество нужно* (что они представляют как ценностное суждение). Невозможно делать выводы-предписания (о том, что должно быть, то есть о ценности) из сугубо описательного набора предположений (из того, что есть, то есть из фактов). Отвергая все ценности, приверженцы субъективной нравственности в итоге разрушают основание – как собственного подхода, так и объективных ценностей. Льюис указывает, что если сторонники субъективной этики хотят именно этого, они должны быть интеллектуально честными до конца. Он предлагает им отнестись к этой философии серьезно и полностью «выйти за рамки» мира нравственности – в мир, где вовсе нет ценностей:

«Что ж, обойдемся и без них [традиционных ценностей]. Примем, что все эти «я должен» – занятый психологический пережиток, и поставим на их место «я хочу». Решим, каким быть человеку, и сделаем его таким не ради каких-то мнимых ценностей, а потому, что нам так угодно. Окружающей средой мы овладели, овладе-

ем же и человеком, определим сами свою судьбу. Очень может быть, что именно так мне ответят. Здесь хотя бы нет противоречия, которым грешат робкие скептики, надеющиеся отыскать истинные ценности вместо тех, прописанных».²⁰

Льюис прямо указывает читателям на опасность, тающуюся за отрицанием этики по причинам сугубо субъективным. Он говорит, что если общество дойдет до полного отрицания ценностей и загонит человечество в рамки психологии и технологии, то такое общество окажется перед угрозой исчезновения. Он напоминает, как мы покорили природу, и как вещи, которые ранее господствовали над нами, стали нашими слугами. Теперь, говорит Льюис, сторонники субъективной этики пытаются покорить главную вершину природы – самого человека. Они надеются сделать это с помощью эвгеники, психологии и образования.

«Я только объяснил, что означает победа над природой. Конец этой победе (быть может, довольно близкий) наступит тогда, когда искусственный отбор, внутриутробное программирование, прикладная психология достигнут очень больших успехов. Из всей природы последней сдастся человеку природа человеческая. Кому же, собственно говоря, она сдастся? Конечно, всегда и везде воспитатели пытались сформировать других, исходя из своего мирозерцания».²¹

Льюис называет это окончательное покорение человека так: «Человек отменится». И сегодня пророчества Льюиса начинают сбываться: возьмем, к примеру, эвгенику и возможности клонирования человека. Одно можно утверждать наверняка: мало кто будет относиться к клонам как к существам, обладающим ценностью – богоданной или врожденной.

Сбываются и прогнозы в отношении исследований человеческого эмбриона: в 1994 году Джерри Холлу (Jerry Hall) и Роберту Стилману (Robert Stillman) удалось успешно клонировать зародыш человека. До этого они провели множество неудачных экспериментов. Представьте, например, к каким последствиям могут привести исследования в двух лабораториях (Университета штата Техас и университета английского города Бит), где были созданы безголовые мыши и головастикки:

«Исследователи нашли ген, определяющий развитие головы эмбриона. Этот ген они удалили. Операция была проделана на тысяче эмбрионов мышей, четыре из которых выжили и родились... Чем вызвана паника? Тем, что следующие эксперименты будут ставиться на людях. «Теперь практически наверняка можно будет про-

¹⁹ Льюис К. С., «Человек отменится». Собрание сочинений в 8 томах, том 3. Москва: Фонд им. Александра Меня, 2000, стр. 384–385 (курсив наш).

²⁰ Льюис К. С., «Человек отменится». Собрание сочинений в 8 томах, том 3. Москва: Фонд им. Александра Меня, 2000, стр. 393.

²¹ Там же, стр. 397 (курсив наш).

изводить людей, у которых отсутствуют передние лобные доли, – сказал 프린стонский биолог Ли Силвер (Lee Silver) в интервью лондонской газете "Sunday Times". – Эти человеческие организмы без малейшего намека на сознание не будут считаться людьми, потому их выращивание и последующее использование их органов станет совершенно законным».²²

Несложно представить визит в офис компании, специализирующейся на «выращивании органов», где из вашей руки возьмут клетку – и вырастят лишнее сознание тело, которое станет вашим личным, идеально совместимым хранилищем запасных органов. Как предсказал в своей книге «О дивный новый мир» Олдос Хаксли, можно будет создать искусственные утробы, в которых, как в инкубаторах, будут выращиваться младенцы. Это снизит производственные расходы и избавит от ответственности – хотя, наверно, нелегко будет найти женщину в зарывом уме, которая бы вынашивала и рождала безголовых детей. Будут ли создаваться организации для производства человеческих органов-«запчастей»? Мы придем именно к тому, что предсказывал Льюис: «Конечно, всегда и везде воспитатели пытались сформировать других, исходя из своего мировоззрения». Похоже на научную фантастику; но теоретически какая-нибудь организация вполне могла бы клонировать человека и владеть этим человеком, как любой другой собственностью, – то есть «сформировать других, исходя из своего мировоззрения».

Юридическое основание для этого уже заложено. Журналист "Washington Post" пишет:

«В 1980 году Верховный Суд США принял решение (пятью голосами против четырех), согласно которому можно выдавать патенты на живые существа, если те соответствуют критериям для выдачи патента. Семь лет спустя эта инстанция выдала первый патент на животное – созданную с помощью генной инженерии мышь, – и с тех пор выдала еще 79 патентов на живые существа; в том числе несколько патентов на мышей, крыс и кроликов, и по

Евгеника - ложь «Будете, как боги» (Бытие 3:5)

«Бог сотворил человека по Своему образу. Следовательно, Он желает, чтобы человек стал с Ним одним целым. У человека должна быть бесконечная жизнь и бесконечное знание. А мы собираемся достичь всего этого в один присест» (Ричард Сиб. The Atlanta Journal and Constitution, Jan. 18, 1998, A17)

Природа и макроразвития

одному патенту – на искусственно созданную птицу, рыбу, свинью, морскую свинку, овцу и моллюска «морское ушко». Кроме того, было выдано более 1800 патентов на гены и линии выращенных клеток, в том числе человеческих, которые, по мнению ученых, могут послужить медицине.

«Клонирование овцы Долли и остальные достижения последних лет свидетельствуют о научном прогрессе и о том, что эти вопросы стали актуальными, – говорит О'Коннор, нынешний исполнительный директор Американского института медицинской и биологической инженерии в Вашингтоне. – Что делает человека человеком? Линия клеток? Конечность? Весь человек? Химера [чудовище из греческой мифологии]? У нас нет определения человека, на которое можно было бы опираться при выдаче патентов».²³

Вот оно, логичное и практичное проявление веры в субъективность всех ценностей. Веры, отвергающей ценность каждой человеческой жизни в глазах Бога.

Мы продемонстрировали ошибочность мышления, построенного на субъективной этике, и доказали, сколь опасно пренебрегать объективными ценностями. Теперь мы готовы обосновать теоретическую и практическую ценность веры в объективные нравственные законы. Мы намерены показать, что объективный подход к ценностям логически состоятелен и экзистенциально необходим. Только при таком подходе этика приобретает значение и для человека, и для общества. Так как мы уже представили доказательства исторической достоверности Нового Завета и божественной природы Иисуса Христа, давайте обратимся к Нему Самому и узнаем Его мнение.

КАКОВ ОСНОВНОЙ ЭТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ИИСУСА?

Мы надеемся, что достаточно ясно обосновали следующую мысль: *основные принципы – это не выводы, полученные из каких-то предположек, а предпосылки, из которых делаются выводы.* Основные принципы – это аксиомы, данность, очевидные истины. Они разумны, как и другие разумные предпосылки, – по сути, их разумность настолько очевидна, что не требует и не признает доказательств. Они вне прямого доказательств, так как их истинность познается из их очевидной и непреложной природы. Нельзя их и опровергнуть, так как попытка опровергнуть первопринцип любой области знаний приводит лишь к утверждениям, которые опровергают сами себя, – как показал Клайв Льюис на примере субъективного отношения к

²² Citizen, "Of Headless Mice... and Men" (vol. 12, no. 3 Focus on the Family, March 1998), 9. Воспроизводится с разрешения. Charles Krauthammer, Time, January, 19, 1998.

²³ Rick Weiss, "Patent Sought on Making of Part-Human Creatures. Scientists Seek to Touch Off Ethics Debate", Washington Post, April 2, 1998, A12.

этике. Мы доказали, что это верно в отношении логики, истины, науки, закона, справедливости и зла (см. главы 1, 2, 4, 9, 10 и 11 соответственно). Как говорил Аристотель, в каждой области знаний есть очевидные истины, на основе которых возможно развитие других истин в этой области. Мы утверждаем, что основные принципы этики ничем по природе своей не отличаются от других первопринципов, уже рассмотренных в этой работе.

Завершив критику «Зеленой книги», Льюис объясняет необходимость основных принципов применительно к этике и ценностям. Вдумайтесь еще раз в его слова:

«Если нет ничего очевидного, доказательства лишены основы. Если нет ничего обязательного по самой своей сути, основу теряют какие бы то ни было обязанности... Одна из аксиом [основных принципов] гласит, что мы должны заботиться о каждом, тем самым – и о потомках, еще не ведомых нам... «Естественный закон», – или «традиционная мораль», или «первичные принципы практического разума», или «прописные истины», – не просто одна из ценностных систем, а *единственный источник любой ценностной системы*. Отвергнув это, мы отвергаем всякую ценность. Оставив малую часть, мы оставляем всё. Попытка построить другую систему ценностей содержит противоречие... Нельзя повышать эту цену бесконечно. Нельзя всё лучше и лучше «видеть насквозь» мироздание. Смысл такого занятия лишь в том, чтобы увидеть за ним нечто. Окно может быть прозрачным, но ведь деревья в саду плотны. Незачем «видеть насквозь» первоосновы бытия. Прозрачный мир – это мир невидимый; видящий насквозь все на свете – не видит ничего».²⁴

Любое предписание или суждение подразумевает, что вести себя тем или иным образом «должно» или «не должно». Такое утверждение накладывает этические обязательства (предписания), которым либо следуют, либо нет. Было предложено множество теорий, объясняющих, что заставляет человека вести себя так или иначе, и что такое «моральная добродетель», – от любви к себе в эгоцентрической этике (Айн Рэнд) до бескорыстной любви в этике социальной (Эрих Фромм). Можно изучать теории о том, что поведение человека предопределено экономикой (Маркс) или обществом (Скиннер). Можно уцепиться за ту идею, что человеческая этика существует сама по себе (Сартр) или определяется генами (Хаксли). Идей много, но мы не ставим перед собой цель рассматривать каждую из них.²⁵ Все эти теории принадлежат к той же категории, что и «Зеленая книга» (этика определяется человеком), и против них можно выдвинуть те же аргументы, которые мы

привели выше. Мы уже привели доводы в пользу существования Бога, открывшегося нам в Библии, исторической точности Нового Завета и достоверности слов Иисуса Христа. Поэтому теперь мы можем обратить все внимание на христианскую этику, которая будет представлена в свете жизни и учения Иисуса Христа и авторов Нового Завета.

Мы считаем, что первая заповедь христианской этики была дана Иисусом в Евангелии от Матфея 7:12: «Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки». Иисус подытожил все учение Ветхого Завета («закон и пророки») в одном кратком этическом предписании, или основном принципе. Чтобы увидеть практическое применение этого принципа, снова вспомним нашу аналогию о помощи человеку, попавшему в опасность. Представьте, что мы проходим мимо горящего дома, и к нам подбегает раненная женщина – в доме остался ее полугодовалый ребенок, и она умоляет нас спасти его. Мы гораздо охотнее остались бы в безопасности (инстинкт самосохранения), чем бросились бы на помощь ребенку (стадный инстинкт). Но нравственный закон говорит нам, что ребенка нужно спасти несмотря ни на что. Это третье начало, которое сравнивает два инстинкта и указывает, какому из них следует повиноваться, согласуется с основным принципом христианской этики – «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними». Если бы это был ваш ребенок, неужели вы не хотели бы, чтобы кто-то его спас? Конечно же, хотели бы; поэтому и нам самим следует поступить так же.

ЧТО ГОВОРИЛ ИИСУС О ДОБРОДЕТЕЛИ?

Говоря о добродетели, Иисус подчеркивал, что она заключается не в самом деянии, а в расположении сердца, с которым это деяние совершается. Многие поступки могут на первый взгляд показаться добрыми. Но Иисус указывал на то, что настоящая нравственность измеряется не только внешним поведением людей, но и внутренним состоянием сердца. К сожалению, сегодня люди в большинстве своем считают, что добродетель – это лишь исполнение правил и постановлений, предписаний и запретов. Поэтому учение Иисуса выходит за рамки времени; оно верно и сейчас, когда будет столько ошибочных суждений в области этики. Итак, исследуем внимательнее данное Иисусом в Нагорной Проповеди (Евангелие от Матфея 5–7) определение нравственной добродетели.

Судя по словам Иисуса, Богу важно, чтобы человек совершенствовал свой характер и принимал сердцем нравственные принципы. Поэтому истинная мера добродетели – не *что мы делаем* (как ведем себя на людях), а *кто мы есть* (сущность личности). Это прямо противоречит мнению тех, кто ставит репутацию выше чести. В уже упомянутой нами книге «Сорок во-

²⁴ Льюис К. С., «Человек отменен». – стр. 389–390, 404 (курсив наш).

²⁵ Подробный анализ различных направлений этики см.: Norman Geisler, *Christian Ethics: Options and Issues* (Grand Rapids: Mich.: Baker, 1989).

семь законов власти» третий, пятый и шестой законы говорят о создании репутации в глазах общественности. Иными словами, они учат, как с помощью бессовестных приемов завоевать и удержать власть, демонстрируя при этом внешнее подобие добродетели. Авторы дают такой совет:

«Держите людей в «подвешенном» состоянии: пусть они недоумевают по поводу того, какую цель вы преследуете своими действиями. Если они понятия не имеют, что вы затеяли, они не смогут подготовиться к защите. Ведите их как можно дальше в неверном направлении, окружите их дымовой завесой, и когда они поймут ваши истинные намерения, будет уже поздно... Имидж [репутация] – краеугольный камень власти. Благодаря одной лишь репутации вы способны повергать в смуте и побеждать. Но если она дает осечку, вы становитесь уязвимыми для нападков со всех сторон. Сделайте свою репутацию непробиваемой. Всегда будьте начеку в ожидании атаки и отражайте ее заблаговременно. При этом учитесь губить своих противников, проделывая бреши в их собственной репутации. А добившись своего, отойдите в сторону и спокойно наблюдайте, как общественное мнение расправляется с ними... Все оценивается по внешнему виду; то, что внутри, в расчет не берется».²⁶

Сопоставьте это утверждение со словами Иисуса о лицемерии религиозных руководителей: «Все же дела свои делают с тем, чтобы видели их люди... Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты; так и вы по наружности кажетесь людям правильными, а внутри исполнены всякого лицемерия и беззакония» (Мат. 23:5; 27–28). Перед нами две противоположные точки зрения: одна гласит, что внутреннее нравственное состояние человечества не имеет никакого значения, а другая – точка зрения Иисуса – что истинные ценности внутри, и они недоступны человеческому взору.

Иисус учил, что добродетель измеряется не только поведением, но и внутренним состоянием – «расположением сердца». Сам по себе поступок не делает человека добродетельным. Основной показатель нашего нравственного состояния – «расположение сердца», в котором мы совершаем этот поступок. Именно в расположении сердца проявляется подлинная добродетель, которая совершенствует характер. Будь это не так, мы, как и многие другие, оставались бы в заблуждении, думая, что Бога интересует только наше поведение, подчинение определенным предписаниям (что можно и чего нельзя делать), а то, что происходит у нас в душе (то, кто мы есть). Ему безразлично.

Иисус дает определение добродетели, в основе которого – истинная любовь. Бог любит нас и заботится о нашем подлинном счастье, о том, чтобы мы исполнили свое предназначение (а без Него это невозможно). Это противоречит расхожему мнению о том, что Бог дал нам законы просто для того, чтобы жизнь «не казалась медом». В главе 15 мы подробнее объясним, что законы, определяющие взаимоотношения (Десять Заповедей), даны нам для подлинного счастья. Пока же скажем только, что истинное счастье и истинный смысл зависят от внутреннего состояния человека (от того, кто мы), а не от показной репутации (от того, что мы делаем или имеем).

Внутреннее состояние сердца – главная идея Нагорной проповеди (Евангелие от Матфея 5–7). Иисусу было необходимо дать людям основы нравственности, чтобы они поняли: без Божьей помощи им не обойтись. Он начал с того, что люди были введены в заблуждение своими наставниками. Те утверждали, что такие законы, как «Не убий» и «Не прелюбодействуй» (Мат. 5:21, 27; Исх. 20:13–14), относятся к внешнему поведению, а подлинная добродетель состоит лишь в том, чтобы выполнять их – и думать, будто ты достиг нравственного совершенства. Иисусу необходимо было исправить это искаженное понимание Божьего закона.

Иисус гораздо глубже определяет понятие добродетели: «Всякий, гневящийся на брата своего напрасно, подлежит суду... всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мат. 5:22; 28). Кому неизвестно чувство гнева и озлобленности? Кем никогда не овладевала похоть? Кто может соответствовать таким требованиям без помощи свыше? Если Иисус прав, то выполнение законов лишь для создания хорошего впечатления сразу теряет смысл.

Иисус хотел, чтобы мы поняли: Десять Заповедей даны нам для того, чтобы строить и поддерживать правильные отношения с Богом (первая скрижаль Закона) и людьми (вторая скрижаль).²⁷ Заповеди были даны, чтобы избавить нас от свойственной человеку склонности думать только о себе. В заповедях мы находим нравственные требования, которые превыше всего ставят Бога и учитывают интересы других людей. Неправда, что Богу неинтересно наше мнение о самих себе; напротив, подлинная добродетель подразумевает чувство собственного достоинства и осознание собственной ценности. Но только Бог может вложить эту ценность в жизнь человека – в результате правильных отношений с Ним, основанных на любви.

Иисус восстановил требования закона. В связи с этим неминуемо возникает вопрос: насколько сложно их выполнять? Иными словами, чего можно от нас ожидать, если нам трудно контролировать даже ненависть и похоть? Когда один законник спросил Иисуса: «Какая наибольшая заповедь в зако-

²⁷ Скрижалей с законами было две, и существуют разные мнения о том, какие именно законы были на каждой из них. Но в целом, все сходится на том, что первая скрижаль говорит об обязанностях человека перед Богом, а вторая – об обязанностях перед другими людьми.

не?», Иисус ответил: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: «возлюби ближнего твоего, как самого себя»; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мат. 22:36–40; Мар. 12:28–31). Эти две заповеди неотделимы друг от друга. Чтобы любить ближнего, мы должны правильно понимать, кто мы такие, и что это значит – любить самого себя. А понять это можно только в контексте отношений с Богом, основанных на любви. Именно Создатель наделил нас чувством собственной ценности и ищет нас, чтобы одарить нас любовью. Именно эти отношения во всей их полноте должны проринуть в наше сердце, душу, разум и все силы. Иисус учил, что если мы примем сердцем любовь Бога, она отразится и на нашем отношении к людям – мы начнем ценить их и понимать.

Если мы любим Бога, и любовь эта неподдельна, мы не будем нуждаться ни в чем, кроме Него. И если мы верим, что Бог даст нам все необходимое, то мы можем любить ближнего и ставить на первое место его нужды, а не свои собственные. Таким образом, весь закон сводится к одному основному принципу, о котором и говорил Иисус: «Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» (Мат. 7:12). Не отрекшись от всего, не приняв эту всеохватную любовь Бога, невозможно любить ближнего. Эта любовь совершенна и ничего не ищет для себя. Это – подлинная мера нравственного блага, и без Бога она недостижима. Слушатели проповедей Иисуса о том, какого поведения ожидает от нас Бог, скорее всего, задавались вопросом: «Что же это за требования, и кто способен их выполнять?» Иисус, зная их сердца, не оставил никаких сомнений: «Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мат. 5:48).

Богу известно, насколько испорчена человеческая природа. Он знает, что совершенно для нас недостижимо. Иисус подчеркивает это в Нагорной Проповеди! Вот почему почти в самом конце этой проповеди, указав на первопринцип этики, Иисус сказал: «Входите узкими вратами». Под узкими вратами он подразумевал Свою жизнь и отношения с Отцом Своим, Богом. В Евангелии от Иоанна 10:9 Иисус говорит: «Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется». Иисус понимал, что этот первопринцип этики невыполним для людей, не знающих Его, непричастных к Его жизни и к Его силе. Что же нам делать? Где выход из этого положения? Давайте снова обратимся к Иисусу и спросим Его совета.

ЧТО ГОВОРИЛ ИИСУС О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ?

За две тысячи лет изменилось многое, но человеческая природа осталась неизменной: она по-прежнему испорчена и извращена. По наблюдениям Питера Крифта, западная цивилизация нуждается в тщательном медицинском осмотре. Но речь идет отнюдь не о проверке физического состояния:

«Под медицинским осмотром я подразумеваю анализ не болезней общества, – таких, как бедность или голод, – а болезней духа. Мы нуждаемся в осмотре души, а не тела; психической, а не соматической [телесной] составляющей. Психоанализ необходим культуре, потому что у цивилизаций, как и у людей, есть души, а души, как и тела, подвержены болезням. Многие люди страдают душевно, но и ходят к врачам – специалистам по душевным недугам, потому что вся наша цивилизация испытывает душевную боль. Не нужно быть большим моралистом, чтобы увидеть: что-то не в порядке с этой цивилизацией, где, по словам Клайва Льюиса, «ускоренное производство продуктов по-прежнему оставляет половину людей голодными, стимулирующие средства делают их импотентами, а «технология для экономии труда лишают досуга».

Все философы-практики, то есть все искатели мудрости, подлинно говорящей, что делать и как жить, говорят о четырех основных вещах – просто потому, что такова структура нашего бытия: она предполагает всего четыре главных вопроса. Потому и медицинский анализ состоит из четырех частей:

1. Наблюдение симптомов.
2. Диагностика заболевания.
3. Прогнозы относительно выздоровления.
4. Предписанное лечение.

Такой анализ духовного состояния человечества традиционен для всех великих мудрецов, всех философов.²⁸

Продолжая эту медицинскую аналогию, мы воспользуемся результатами наблюдений Иисуса и попытаемся Его глазами увидеть главную причину нравственного падения человечества. Ходя по земле, Иисус говорил о Себе как о враче, исцеляющем болезни души. По Его словам, «не здоровые имеют нужду во враче, но больные». Затем Он добавляет, «Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мат. 9:12, 13). В другом Евангелии Иисус объясняет различие между этими двумя видами людей: «Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбилы тьме, нежели свет, потому что дела их были злы. Ибо всякий, делавший злое, ненавидит свет, и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы; а поступающий по правде идет к свету» (Иоан. 3:19–21). Иисус учил, что есть только два вида пациентов: те, которые вообще не считают себя больными и думают, что врач им не нужен, – и те, кто признает свою болезнь и ищет помощь врача (истину), чтобы исцелиться. Первые прячутся под личиной (показной добролетелью), скрывающей их безнравственность; вторые сбрасывают маску, чтобы рассеять тьму и увидеть себя такими, какие они на самом деле.

²⁸ Peter Kreeft, *Back to Virtue* (San Francisco: Ignatius, 1992), 37–38, 44.

Из этих двух читат можно выделить как минимум шесть основных наблюдений, сделанных Иисусом в отношении человеческой природы. Во-первых, Он говорит, что все люди страдают от нравственной болезни, называемой грехом, и сравнивает ее с тьмой (злом). Во-вторых, Он уверяет, что может помочь только тем, кто признает эту болезнь. В-третьих, независимо от того, осознают люди это или нет, они пребывают во тьме и любят тьму, потому что дела их злы. В-четвертых, Иисус объясняет, что люди ненавидят свет, так как на свету становятся видны их злые дела. Пятое: у всех людей есть выбор, возможность выйти из темноты на свет. Наконец, Иисус говорит, что некоторые люди признают испорченность (греховность) своей природы и стремятся выйти из темноты (зла) на свет (к добру), — это те, кто знает, что им необходим врач, исцеляющий от нравственной болезни.

Мы уже показали, что абсолютная истина имеет основание в Боге, Который бесконечно могуществен, вечен и благ: Это неотъемлемые свойства Его природы, и Он не может изменить эту природу, ибо Он совершенен. Именно в этом совершенстве и заключена главная трудность для таких несовершенных существ, как мы. Трудность эта состоит вот в чем: способны ли мы любить совершенного Бога и принимать Его любовь? Как могут люди, которым по природе свойственна тьма (зло), войти в общение с Тем, Кто есть совершенный Свет (нравственное добро)? Вопрос это труден потому, что эти две природы — чистый свет и полная тьма — несовместимы по самой своей сути. Иными словами, нет никакой надежды совместить эти две природы, пока в одной из них не произойдет радикальной перемены. Люди, полюбившие зло (тьму), не способны понять и принять подлинную благость и совершенство (свет) Бога (Иоан. 1:15). Так как Бог не может измениться (Мал. 3:6; Иак. 1:17), и так как в совершенном свете не может быть ни малейшего намека на темноту, представляется невозможным, чтобы Бог и человечество смогли пребывать в любви. Разъяснив это, мы осознаем цель рождения Иисуса, о которой говорит Он Сам, и поймем, почему Его приход был единственным способом преодолеть гигантскую пропасть между Богом и человечеством.

Нельзя забывать и о том, что Бог совершенно справедлив, и так как Он не может измениться, Его справедливость требует наказания за нарушение Его законов. Однако при этом Он — любящий и милостивый Бог; Он понимает, что сами мы не можем изменить свою природу (внутреннюю развращенность человеческого сердца). Значит, должно быть решение, которое удовлетворило бы всем атрибутам Бога. Он должен найти способ — по Своей любви и милосердию — удовлетворить и Свою справедливость. Он должен осудить злые дела человечества как справедливый Бог — и должен простить наши злые дела как Бог любящий и милосердный. Иисус Христос предложил себя как выход из этого, казалось бы, безвыходного положения. Чтобы полностью понять, что говорит каждому из нас Иисус о наших отношениях с Богом, внимательнее изучим Его слова о нашем положении.

КАКОЙ ДИАГНОЗ СТАВИТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ ИИСУС?

Поскольку мы будем пользоваться терминами *совесть*, *грех* и *вина*, необходимо убедиться, что мы правильно понимаем их значение. *Совесть* — это «процесс, позволяющий отличать добро от зла, поощрять добро и осуждать зло, и таким образом побуждающий делать первое и избегать второго».²⁸ Мы употребляем это слово в том же значении, в каком употреблял его Апостол Павел по отношению ко всему человечеству: «... дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Рим. 2:15). Итак, закон записан в сердце каждого человека, и сознательное нарушение Божьих законов называется словом *грех*. *Вина* же — это понимание умом того, что мы нарушили закон (или законы) и осуждены перед Богом.

Чувство вины, если правильно к нему относиться, приводит нас к признанию того, что нам нужна помощь Бога. Однако это нравственное изменение зачастую толкуют поверхностно или неправильно. Речь идет о чувстве, которое часто называют *чувством собственного достоинства* или *самоуважением*. Оно связано с правильным пониманием своей значимости и с уверенностью в себе. Верное понимание самого себя и чувство подлинной значимости приносит в наше бытие мир и гармонию. Неверное же представление о собственном «я», губительная любовь к себе, чувство собственной неполноценности — все это наносит глубокий вред психике и порождает внутренний разлад. Если мы хотим научиться любить ближнего как самого себя, нужно забыть ложь «рационально-эмоциональной терапии» и других направлений современной психологии, которые учат, что «чувства вины и стыда — следствие нашего собственного неправильного и иррационального мышления, и от них нужно избавляться».²⁹ Одна из самых больших опасностей — избавление от обоснованного чувства вины и стыда. «Обоснованным» мы называем те чувства, которые возникают в результате нарушения одной или нескольких заповедей Бога.

Иисус учил, что правильное понимание себя и гармония в отношениях с Богом ведут по пути развития добродетелей к цельности характера. Именно эта внутренняя сила характера формирует правильные отношения с другими людьми. Неверное же представление о самом себе и испорченные отношения с Богом ведут по пути потакания порокам к развращенной жизни — и, следовательно, к дурным отношениям с другими. Всякий раз, выбирая добродетель или порок, человек изменяет свое сердце. Если применить эту истину ко всей жизни, то Питер Крифт оказывается прав. Он цитирует поэта Сэмюэла Смайла:

²⁸ W.E. Wine, *An Expository Dictionary of New Testament Words* (New York: Thomas Nelson, 1985), 122.

²⁹ Schimmel, *The Seven Deadly Sins: Jewish, Christian, and Classical Reflections on Human Psychology*, 7–8 (курсив наш).

«Посеешь мысль, пожнешь поступок.
Посеешь поступок, пожнешь привычку.
Посеешь привычку, пожнешь характер.
Посеешь характер, пожнешь судьбу».³¹

Чтобы нашей судьбой не стало отлучение от Бога, необходимо увидеть корни безразличности и таинского в нас зла. А для этого мы должны исследовать не только свои поступки, но и помыслы – «расположение сердца». Иисус говорил, что нарушение данного Богом закона начинается не с безнравственного поступка, а скорее с безнравственного расположения сердца. Да, мы не убиваем и не прелюбодействуем, – но, впуская в свое сердце похоть или ненависть, мы тем самым нарушаем Божий закон, даже если помыслы так и не перерастут в поступок. Иными словами, ненависть своего ближнего, мы разрушаем в своем сердце отношения с ним. Испытывая похоть, мы воспринимаем объект вожделения как вещь, которой можно обладать и пользоваться, а не как личность, с которой можно строить нормальные отношения. В обоих случаях результатом становится обесценивание другого человека, – а значит, нарушение данных Богом нравственных законов.

Возможно, нелегко понять, почему Иисус называет ненависть и похоть грехами и ставит их на одну доску с убийством и прелюбодеянием. Если его слова вас озадачивают, то вы не одиноки. Клайв Льюис признавал, что всегда недоумевал, читая христианских авторов, чьи выводы казались ему too слишком строгими, too слишком вольными. Он писал:

«Они говорят о грешных мыслях с невероятной серьезностью; а затем, перейдя к самым страшным убийцам и предателям, вдруг скажут: стоит им только раскаяться, и они получат прощение. Позднее я понял, что они правы. Ведь они думают о той зарубке, которую оставляет каждый наш поступок на крошечной, но главной части человеческого «я»; никто в этой жизни его не видит, но все мы будем им терзаться или, наоборот, радоваться ему вечно. Один человек занимает такое положение, что его гнев приводит к кровопролитию и гибели тысяч; другой – такое, что, каким бы гневом он ни пылал, над ним будут только смеяться. Однако маленькая зарубка на внутреннем «я» может быть одинаковой у обоих. Каждый из них причинил себе вред, и если он не покается, то в следующий раз ему будет еще труднее противиться искушению гнева, гнев его будет все яростнее. Однако если каждый из них всерьез, по-настоящему обратится к Богу, то сумеет выпрямить вывих, который искалчил его внутреннее «я»; и каждый из них обречен, если этого не сделает. Масштабы поступка, как они видятся со стороны, роли не играют».³²

«Ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления».

Посеешь

• мысль	→	• позицию
• позицию	→	• поступок
• поступок	→	• поведение
• поведение	→	• образ жизни
• образ жизни	→	• характер
• характер	→	• судьбу

Пожнешь

Люди, к которым обращался Иисус, занизили требования нравственного закона, установленного Богом; они низвели этот закон до внешних признаков добродетели. Но, как верно подметил Льюис, в расчет принимается именно зарубка на внутреннем «я». Иисус же обратил эти требования к истокам нашей испорченности – к человеческой душе. Религиозные

деятели Его дней отказывались признать свою внутреннюю косность и следовали требованиям Бога лишь внешне, стремясь выглядеть нравственно безупречными в глазах других. Эти деятели учили, что праведность определяется лишь набором приказов и запретов, внешних правил и постановлений. Снаружи эти люди были чисты до блеска, и другим они казались воплощением нравственности. На самом же деле они занизили подлинные требования Бога, который требует внутренней чистоты сердца. Можно предположить, насколько поразили их и всю толпу слушателей слова Иисуса: «Говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное» (Мат. 5:20). Ограниченность и косность этих людей мешала им понять важность слов Иисуса, и далее Он говорит с ними еще проще, называет их сыновьями погибели, слепыми поводярыми, слепыми глухими, алчными, самодовольными, змеями, зменным отродьем, побеленными гробами, чистыми снаружи, но грязными внутри, полными нечистоты (Мат. 23).

Какой же диагноз поставил Иисус человечеству? Как определил Он причины греха (который проявляется в чувстве вины)? Ответы на эти вопросы мы находим в одном из Его высказываний: «Ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления» (Мат. 15:19; курсив наш). Иисус напрямую обращается к главной причине безнравственности – к всеобщей вине перед Богом. Как справедливо заметил Клайв Льюис, «не чужой кодекс, а свой собственный осуждает человека, и потому все люди живут в ощущении вины».³³

Диагноз, поставленный нам Иисусом, еще страшнее, чем можно было предположить. Он сказал, что мы любим тьму (своей грех) и боимся света (истины). Одни люди отказываются слушать внутреннее свидетельство нрав-

³¹ Kreeft, Back to Virtue, 169.

³² Клайв С. Льюис, «Просто христианство» («Гендальф», 1994), стр. 98 (курсив наш).

³³ Льюис К. С., «Страдания». Собрание сочинений в 8 томах, том 8, Москва: Фонд им. Александра Меня, 2000. – стр. 129.

ственного закона и ожесточают свои сердца, отвергая истину, которую знают. Другие же находят мужество признать, что Иисус прав, и идут к свету, чтобы жить в истине. Этот судьбоносный выбор – выбор между светом и тьмой – предстоит сделать каждому из нас.

КАКОВ ПРОГНОЗ ИИСУСА В ОТНОШЕНИИ ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА? КАКОЕ ЛЕЧЕНИЕ ОН НАМ НАЗНАЧИЛ?

Медицинский прогноз обычно состоит из двух частей: предсказание возможного развития болезни и предписание последовательности действий, необходимых для выздоровления. Иисус прямо говорил о том, что будет, если лечить грех, и что будет, если его запустить. Он предупреждал, что болезнь, если ее не лечить, приведет к смерти. Но говорил он не просто о физической смерти, а о смерти вечной – о вечном отлучении от Бога. По сути, мы и сейчас пребываем в этом состоянии. Все мы живем в состоянии вины, и совесть осуждает нас за нарушение данных Богом нравственных законов. Иисус говорил, что пришел не для того, чтобы судить, мы уже осуждены перед Богом (Иоан. 3:17–18). Он же пришел, чтобы спасти нас от расплаты. Иисус сказал, что все человечество осуждено, и жизнь на земле похожа на заключение в камере смертников. Все мы ждем исполнения приговора, и только помилование – спасение – способно принести нам свободу (Иоан. 8:32).

Чтобы лучше понять прогноз Иисуса и предписанное Им лечение, необходимо знать состояние человечества, о котором говорит Библия и свидетельствует опыт. Библия говорит, что мы сотворены по образу Божьему – то есть обладаем рациональным мышлением, психикой, волей и духовным потенциалом. Библия повествует о том, как первые сотворенные люди (Адам и Ева) ослушались Бога и разорвали связь с Ним. Поэтому все люди унаследовали то, что Библия называет греховной природой (первородным грехом). Все мы рождаемся мертвыми по отношению к Богу, потому наши основные склонности по природе своей извращены и эгоистичны. Иными словами, очевидно, что все мы не понаслышке знакомы с грехом и пороком. Это знакомство начинается с самых ранних лет, когда мы узнаем, что такое хорошо и что такое плохо. Достаточно сказать хотя бы о том, что нет нужды учить малых детей не слушаться и быть эгоистами – такое поведение свойственно самой природе ребенка.

Всем нам хорошо известен этот внутренний конфликт; все мы знаем по себе, каково жить, притворяясь кем-то другим – не тем, кто ты есть на самом деле. Такая двойственность приводит к глубокому внутреннему разладу. Вот что пишет о ней Шimmel:

«Все мы так или иначе участвуем в битве с грехом и пороком, даже если мысленно не употребляем такие слова, когда размышляем о конфликте с соб-

ственной природой. Несмотря на то, что злоба не превращает большинство из нас в убийц, похоть – в насильников, а жадность и зависть далеко не всегда толкают на преступление, – тем не менее, эти пороки в сочетании с обжорством, надменностью и ленью часто делают несчастными и нас самих, и наших близких. Более того: покаяние своим извращенным страстям, мы принимаем звание человека. Мы не задействуем в этой жизни весь свой нравственный потенциал, и это не менее трагично, чем те несчастья, к которым приводит живущее в нас зло... Все смертные грехи подливают масла в огонь пороков общества: похоть приводит к порнографии, чревоугодие – к обжорству, пьянству и другим злоупотреблениям, зависть – к терроризму, гнев – к насилию, лень порождает безразличие к боли и страданиям других, жадность – злоупотребление общественным доверием, гордыня – дискриминацию».¹⁴

Если это верно – а мы полагаем, что доказательств тому предостаточно, – то грехи против самого себя нельзя отделить от грехов против ближнего. Грехи, которые кажутся безобидными и «никому не вредят», имеют трагические последствия. Это относится не только к самому грешнику, но и ко всем тем, кого затрагивают эти грехи. Что касается семи смертных грехов, о которых шла речь выше, то худшим из них часто называют грех гордыни. Соломон Шimmel говорит, что христианские богословы и авторы душеполезных сочинений на протяжении столетий называли гордыню «самым смертельным» из смертных грехов. Цитируя одного из отцов церкви, Григория Великого, он пишет:

«Григорий не включал гордыню в число семи смертных грехов, но считал, что она порождает все семь, которые, в свою очередь, порождают великое множество других пороков. Увидеть, каким образом гордыня приводит к другим грехам, несложно. Человек надменный, ставящий себя выше других, считает, что ему позволено все, чего бы он ни пожелал, – как в общественной, так и в материальной сфере. Он ожидает почтительного к себе отношения и, не встречая его, скоро озлобляется. Считая себя лучше других, он особенно подвержен зависти, которая возникает в ответ на угрозу его чувству собственного достоинства. Самодовольный, гордый человек не чувствует стремления к духовным целям и согрешает ленью. Полагая себя исключительным, он попирает права других, как часто делают жадные или похотливые люди и обжоры. Не то чтобы гордыня обязательно приводила ко всем этим порокам, и не всегда все эти пороки служат проявлениями гордыни. Но поскольку часто происходит именно так, Григорий отводит гордыню особое место, называя ее матерью и королевой всех пороков».¹⁵

¹⁴ Schimmel, *The Seven Deadly Sins: Jewish, Christian, and Classical Reflections on Human Psychology*, 3–4 (курсив наш).

¹⁵ Там же, 33–34.

Гордость — это врожденный изъян, неотъемлемое свойство человеческой природы; она постоянно действует в нас, побуждая выпячивать свое «я», ставить себя не только выше других людей, но и выше Бога. Когда это происходит, мы вовсе убираем Бога со сцены и воспринимаем себя центром вселенной. Клайв Льюис упоминает этот самый отвратительный из пороков, говоря об уникальности христианской морали:

«Я перехожу сейчас к той части христианской морали, в которой она особенно резко отличается от всех других. Существует пороки, от которого не свободен ни один человек на свете; но каждый ненавидит его в ком-то другом, и едва ли кто-нибудь, кроме христиан, замечает его в себе. Я слышал, как люди признаются, что у них плохой характер, или даже в том, что они трусы. Но я не припомню, чтобы когда-либо слышал от нехристианина признание в этом пороке. Зато я очень редко встречал неверующих, которые были бы хоть немного снисходительны к этому пороку в других. Нет порока, который так отвращает от человека, и нет порока, который мы меньше замечаем в себе. Чем больше этот порок у нас, тем больше мы ненавидим его в других.

Я говорю о гордыне, или самодовольстве; противоположную добродетель христиане называют смирением... Согласно христианскому учению, самый главный порок, самое страшное зло — гордыня... Гордыня ведет ко всем другим порокам; это — состояние духа, абсолютно враждебное Богу... Христианство право: именно гордыня порождает самые тяжкие несчастья в каждом народе и в каждой семье... Вы не можете познать Бога, не отрешившись от гордыни. Ведь гордый человек смотрит свысока на все и на всех; как же увидеть ему то, что над ним [Бога]!»³⁶

Со времен сотворения человечества и на протяжении всей известной нам мировой истории люди считали, что они каким-то образом сумеют достичь полноты мира и счастья, ставя себя на первое место и живя без Бога. Льюис так пишет об этих тщетных и поверхностных исканиях:

«Из этой безнадежной попытки произошло почти все то, что определило нашу историю, — деньги, нищета, тщеславие, войны, проституция, классы, империи, рабство; долгу и ужасную историю людей, пытающихся найти счастье, минуя Бога.

Поиски эти безнадежны, и вот почему. Бог создал нас, избрал нас, как человек изобретает машину. Топливо для нее — бензин, и при той конструкции, какая у нее есть, она не станет работать на другом топливе. Человечество же Бог сконструировал так, чтобы

энергию, необходимую для нормальной жизни, человек черпал от Самого Бога... Вот почему незачем просить Бога, чтобы Он сделал нас счастливыми по нашему вкусу, не обременяя никакой религией. Бог не может дать нам счастье и мир без Него Самого, потому что без Него счастья и мира просто нет.

И в этом — ключ к истории. Тратится гигантская энергия, возникают цивилизации, создаются различные, благородные объединения, но всякий раз что-то идет не так, как надо. Из-за какого-то фатального дефекта наверху оказываются эгоистичные и жестокие люди, все снова рушится и скатывается вниз, к бедствию и отчаянию. Машина глохнет. Она заводится как будто бы легко, пробегает несколько метров — и ломается. Люди хотят, чтобы она работала на плохом бензине».³⁷

Итак, Бог создал нас для того, чтобы мы жили в согласии с Ним. Каждому из нас Он даровал нравственную природу — понятие о добре и зле, — чтобы помочь нам не сойти с верного пути. На протяжении всей истории были люди, которые в той или иной степени старались подчиняться этому нравственному закону. Но, по словам Льюиса, «ни один из них не преуспел полностью». Бог выбрал народ, на который потратил столетия. «[Бог] вложил в головы избранных Им людей, что Он — единственный Бог и для Него очень важно, чтобы люди вели себя правильно. Этим особым народом были евреи, и Ветхий Завет подробно все это описывает».³⁸ Даже Его избранный народ, похоже, не мог этого понять. И тут приходит Иисус и говорит, что «так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Иоан. 3:16). Говора о темноте человеческого сердца и о том, что нужно выйти на свет и жить в нем (то есть в истине), Он говорил о Себе: «Я — свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Иоан. 8:12).

Повиновение воле Иисуса неминуемо означает смерть гордыни и себялюбия: «Если кто хочет следовать за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Лук. 9:23). Признание же собственной эгоистичной природы несет подлинное освобождение: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Иоан. 8:32).

Иисус прямо называет две цели Своего рождения. Во-первых, Он пришел в мир «отдать душу Свою для искупления многих» (Мат. 20:28). Иными словами, Он пришел, чтобы принять наказание за наши грехи, главный из которых — эгоизм. Если мы принимаем Его плату за наши грехи, мы можем получить прощение от Бога и освобождение из камеры смертников. Во-вторых, в разговоре с Пилатом Иисус произносит слова, имеющие необычно-

³⁶ Клайв С. Льюис, «Просто христианство» («Гендальф», 1994), стр. 64–65.

³⁷ Там же, стр. 65.

венную силу: «Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего» (Иоан. 18:37). Когда Иисус говорит, Он возвещает истину, и те, кто слушают Его – вот истинны; они стоят на ее стороне и приходят к свету. Моральный Целитель сказал Своё слово и предложил единственный способ исцеления – Себя Самого.

Предложенное Иисусом исцеление от вечной смерти (отлучения от Бога навсегда) – это вечная жизнь. Родившись духовно мертвыми, мертвыми по отношению к Богу по причине нашей испорченной природы, мы равным счетом ничего не можем сделать, чтобы исправить положение. Единственное лечение для мертвого – жизнь! И жизнь эту может дать только Иисус. Иисус раз за разом провозглашает эту истину, истину о том, что только Он дает исцеление от нравственной болезни – от греха. Единственный способ начать новую жизнь – это принять любовь Бога. Такова Его воля. Вот почему Иисус говорит: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Иоан. 14:6).

Иногда к вершине горы ведет только один путь; иногда у задачи бывает только один правильный ответ; иногда от болезни есть только одно средство. Это как раз такой случай. Иисус пришел, чтобы стать единственным возможным средством исцеления нравственно больного и умирающего мира; Он предназначила Себя в качестве лекарства, способного излечить и оживить. Это лекарство для вечной жизни не дается нам бесплатно; это дар Божий, предложенный нам по благодати. «Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился» (Еф. 2:8–9).

Бог по природе Своей неизменен, свят и справедлив, и при этом Он – любящий и милосердный Бог. Так как Он не может изменить Свою природу, Его справедливость требует расплаты за грехи человечества. Иисус заплатил эту цену на Голгофе (1 Пет. 2:24; 3:18) в совершенном деянии любви, не ищущей ничего для себя. Иисус, по благодати и из милосердия, принес Себя в жертву за каждого, кто пожелает следовать за Ним. Приняв решение следовать за Иисусом Христом, человек становится под Его покров,³⁹ который защищает от справедливого Божьего возмездия.

Приняв жертву Иисуса, мы приближаем осуществление благоприятного прогноза. Тогда-то и начинается исцеление. Бог говорит об этом так: «И дам вам сердце новое, и дух новый дам вам; и возьму из плоти вашей сердце каменное, и дам вам сердце плотное. Вложу внутрь вас дух Мой и сделаю то, что вы будете ходить в заповедях Моих и уставы Мои будете соблюдать и выполнять... Вложу законы Мои в мысли их, и напишу их на сердцах их; и буду их Богом, а они будут Моим народом» (Иез. 36:26–27; Евр. 8:10).

³⁹ См. главу 13 – о божественной природе Иисуса Христа.

Подлинная добродетель начинается внутри человека, начинается с нового сердца, которому Дух Божий дает силы для соблюдения Его законов – этических заповедей, без которых невозможны правильные и исполненные смысла отношения (см. Рим. 8:2–4). Если же вечное лекарство Иисуса отвергается, то подлинная добродетель недостижима. Отвергнутый Иисуса предостит встретиться со святостью и справедливостью Бога, не имея никакой защиты.

Итак, мы завершили исследование трех мировоззрений, рассматриваемых в этой работе. Мы узнали, что говорят эти мировоззрения об истине, о вселенной, о Боге (Логосе), о законах, о зле и об этике.⁴⁰ В результате мы сделали выводы, что атеизм и пантеизм не выдерживают проверки на истинность. Поэтому в поисках ответа на вопрос о смысле жизни мы обращаемся к теистическому мировоззрению, а именно – к христианскому теизму, который дает единственно верное представление о реальности. В следующих двух главах мы расскажем о том, какие последствия – в этой жизни и в следующей – имеет выбор человека, который либо принимает, либо отвергает Иисуса – Спасителя, навеки исцеляющего от греха.

	АТЕИЗМ	ПАНТЕИЗМ	ТЕИЗМ
Истина	<i>Относительна, абсолютов нет</i>	<i>Относительна в применении к этому миру</i>	<i>Абсолютная истина есть</i>
Космос	<i>Существовал всегда</i>	<i>Нереален, иллюзорен</i>	<i>Сотворенная действительность</i>
Бог (Логос)	<i>Не существует</i>	<i>Существует, признаваем</i>	<i>Существует, познаваем</i>
Законы	<i>Относительны, определяются человеком</i>	<i>Относительны в применении к этому миру</i>	<i>Абсолютны, объективны, познаваемы</i>
Зло	<i>Человеческое невежество</i>	<i>Нереально, иллюзорно</i>	<i>Себялюбивое сердце</i>
Этика	<i>Создана человеческим разумом, ситуативна</i>	<i>Относительна, трансцендентна по отношению к добру и злу</i>	<i>Абсолютна, объективна, предписывает выполнение правил</i>

⁴⁰ См. главу 2 – о методах проверки разных мировоззрений на истинность.

15 ВОПРОСЫ О ПОДЛИННОМ СМЫСЛЕ ЖИЗНИ И О НЕБЕСАХ

**Если не размышлять над жизнью,
то и жить не стоит**

— Сократ

ЧТО НАПОЛНЯЕТ ЖИЗНЬ СМЫСЛОМ?¹

Бог любит нас и хочет, чтобы мы были счастливы, то есть обрели истинный смысл бытия, который начинается в этой жизни и продолжается в вечности. Однако подлинный, высший смысл можно найти только в Самом Боге. Как мы уже выяснили, подлинный смысл жизни зависит не от внешних обстоятельств (что мы делаем или имеем), а от внутреннего состояния (кто мы есть). В 14 главе мы обращались к придуманной Льюисом аналогии с машиной, которую нужно заправлять бензином, потому что такая она создана и устроена. Бог создал нас для общения с Собой, и без Него не может быть подлинного смысла — возможно только временное и поверхностное состояние довольства. Принять вечное исцеление от греха, предложить Иисусом, и позволить Богу изменять нас изнутри — первый шаг на пути к обретению жизни.

¹ В главах 15 и 16 мы много и часто цитируем работы Клайва Льюиса, особенно «Просто христианство», «Страдания» и «Расторжение брака». Если вы никогда не читали эти книги, настоятельно их вам рекомендуем.

Этот путь, уготованный Богом, начинается с замены старой, извращенной системы ценностей, которой мы руководствовались ранее, на новую, которую дает нам Бог. Этот первый шаг можно сравнить с входом в дверь, и Иисус ясно дал нам понять, что эта дверь – Он Сам. Войдя в эти ворота, приняв Иисуса как вечное исцеление от нашей нравственной испорченности, мы начинаем обретать истинный мир с Богом и познать Его любовь. Бог замыслил и создал нас; Он знает, в чем цель нашей жизни – как в целом, так и в каждом отдельном случае. Он откроет нам эти цели, постепенно и навсегда преображая нас.

Что бы мы ни делали, что бы с нами ни происходило – Божий замысел в отношении нас совершенен, так как основной элемент его – искупление. Искупление – это обещание, что «любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу» (Рим. 8:28). Все отившие на Его любовь станут как Его Сын, Иисус Христос. Каким образом Бог это сделает, мы не знаем, – это зависит от Него. Но в одном истинно верующие могут не сомневаться: Божьему замыслу не воспрепятствует ни один человек на этой планете и ни одна сила в духовном мире!

Последнее слово всегда остается за Богом, и это великая радость для того, кто верует по-настоящему. Бог может изменить даже самую несчастную жизнь и искупить любые страдания, принесла на смену ни благо. Достаточно только взглянуть на Иисуса – на Его жизнь, смерть и Воскресение, – чтобы увидеть действие этого принципа. Непредвзятое исследование учения, жизни и крестной муки Иисуса обнаруживает, что никто не может помешать замыслу Бога. Ему одному подчинены все – и живые, и мертвые.

Строго говоря, так как Иисус был единственным Человеком, на Котором не было греха (Иоан. 8:46), то Он был и единственным, Кто «невинно пострадал» от рук злых людей. Когда за Иисусом пришли, чтобы схватить Его, один из Его учеников, Петр, попытался изменить Его судьбу, прибегнув к насилию. Выхватив меч, Петр надеялся с его помощью утвердить свою волю вместо воли Бога. Но Иисус, знавший замысел Отца в Своей жизни, сказал Петру: «...думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он предоставит Мне более, нежели двенадцать легионов ангелов?» (Мат. 26:53). Двенадцать легионов – это от тридцати шести тысяч до семидесяти двух тысяч ангелов. Более чем достаточно для великой битвы! Однако Иисус сделал Свой выбор: Он решил не просить Отца об избавлении, но вместо этого доверился Его замыслу во всем, даже в смерти.

Иисус знал, что Отец любит Его, и что все подчинено Отцу. Даже когда Пилат пытался заставить Иисуса подчиниться власти Рима, Иисус, отвечая на вопросы, не проявил ни малейшего колебания. На вопрос Пилата: «Не знаешь ли, что я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя?» Иисус отвечает: «Ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше» (Иоан. 19:10–11).

Иисус учит, что в конечном счете все подвластно Богу, даже когда люди поступают жестоко и несправедливо. Люди, употребившие свою свободную волю, чтобы творить зло, все равно не могут помешать осуществлению Божьего замысла. Поэтому те, кто по-настоящему верит в Бога и участвует в Его замысле, никогда не утратят смысла жизни – что бы ни делали с ними злые люди. В 11 главе мы приводили цитату из книги Клайва Льюиса, который сжато и емко выразил то главное, что мы хотим сказать. Объясняя, как Бог использует даже свободную волю злых людей, Льюис пишет:

«Крестный путь велет к вершине земной истории, но для Иуды оправданий нет. Применим все это к страданиям ближних. Добрый человек делает добро ближнему, сознательно участвуя в чистом добре Божием. Злой человек обижает ближнего, участвуя тем самым в чистом зле; но Бог использует его дела без воли его и согласия, чтобы произвести новое добро. Итак, добрый служит Богу как сын, злой – как орудие. Что ни делаете, Бог все приведет к добру, но для вас отнюдь не безразлично, кто вы Ему – Иуда или Иоанн».²

Выбор за нами. Мы можем по своей воле участвовать в Божьем замысле, как апостол Иоанн, а можем добиваться своего – но и это в конце концов будет использовано Богом для Его целей, как произошло с Иудой. В любом случае, воля Бога *свершится*. Но как – нам не все равно. Это различие важно только для нас, мы ощутим его на себе, и каждому предостанет сделать выбор. Время выбора – сейчас, пока Бог дает нам свободу выбирать, потому что когда все будет сказано и сделано, и наша жизнь подойдет к концу, последнее слово останется за Ним.

Для неверующих, которые нашли в этой жизни какую-то цель, она исчезнет со смертью. Для верующих же смерть – это лишь дверь, ведущая к тому, что приготовил для них Бог. Именно Воскресение Христа учит нас, что главный замысел Бога не заканчивается со смертью. Смерть и Воскресение Сына Божьего продемонстрировали могущество Бога и Его власть над смертью, даровав нам надежду на вечную жизнь. Эта надежда возможна только при послушании, которое приходит через веру (Рим. 1:5). Если мы веруем в Иисуса и с благоговением отдаем себя в послушание Богу, Он не только искупает наши прошлые ошибки и страдания, но и дает нам цель и надежду в новой жизни – то есть подлинный смысл бытия. Именно это Он и сделал, как гласит Слово Божье:

«Он, во дни плоти Своей, с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления Могущему спасти Его от смерти; и услышав был за Свое благоговение; хотя Он и Сын, однако страданиями навывк послушанию, и, совершившись, сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечного» (Евр. 5:7–9, курсив наш).

² Льюис К. С., «Страдания. Собрание сочинений в 8 томах, том 8. Москва: Фонд им. Александра Меня, 2000. – стр. 180.

Бог замыслил избавить Иисуса не от рук злых людей, а от рук самой смерти! Победив смерть, Иисус даровал нам возможность сделать то же – подчиниться замыслу Бога и отдать себя в Его любящие руки. Иисус испытал полноту жизни на земле, подчиняясь воле Отца; но вершины Он достиг только после смерти. Библия говорит, что Иисус «вместо предлежавшей Ему радости, претерпев крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия» (Евр. 12:2).

Подлинный смысл невозможен без Того, Кто есть начало и конец; без любви Бога, Который есть любовь (1 Иоан. 4:16). Иисус сказал: «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя [Бога-Отца], единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Иоан. 17:3). Знание, о котором говорит Иисус, – не просто интеллектуальное знание, но живое общение с Богом в Иисусе Христе. Это знание означает завет с Богом, ведущий в вечную жизнь. Понятие «вечная жизнь» подразумевает не число лет и не протяженность времени; это качество жизни, в которой есть Бог, и самый ее смысл – в Боге. Бог – это *первичная и окончательная реальность, поэтому, приняв Его любовь и ответив на нее любовью, мы обретаем вечный смысл жизни.*

ПОЧЕМУ ИСТИННЫЙ СМЫСЛ ЖИЗНИ НЕВОЗМОЖНО НАЙТИ БЕЗ БОГА?

Преображение в образ Христов (изменение характера в этой жизни) – несомненно, одна из главных целей для каждого верующего. Что касается поиска окончательного смысла, то нужно принять во внимание то, что Фома Аквинский называл «принципом окончательности», согласно которому «каждый поступок имеет свое окончательное предназначение».³ Иными словами, Бог сотворил нас с определенной целью, и эта цель связана с Его славой и нашим подлинным счастьем. Без Бога мы не сможем подняться выше состояния временного довольства в этой жизни. В своей книге «Стремление к Богу» Джон Пайпер пишет:

«Желание быть счастливым свойственно всему человечеству, и это хорошее желание, не греховное. Бесплезно отрицать это желание или сопротивляться ему, словно какому-то плохому побуждению. Напротив, нужно усиливать это желание, питая его всем, что только может дать счастье. Высшее счастье можно найти только в Боге. Счастье, которое мы находим в Боге, достигает *только вершины, когда мы можем разделить его с другими посредством всего множества проявлений любви.* Чем меньше стремимся мы к счастью, тем меньше мы чтим Бога и любим людей. И напротив,

стремление к счастью – неотъемлемая часть любого богослужения и любой добродетели. [Согласно «Вестминстерскому краткому катехизису веры»] *главное предназначение человека – прославлять Бога и вечно радоваться в Нем.*⁴

Но почему истинное предназначение человека – славить Бога? И каким образом прославление Бога способно приносить радость или счастье?⁵ Похоже, что найти подлинный смысл и достичь подлинного счастья довольно трудно даже в нашем свободном обществе, которое предлагает практически неограниченное количество возможностей. Если даже в таком обществе трудно быть счастливым, что уж говорить о людях, которым отказано в свободе? Что было бы с нами, если бы нас лишили свободы, а вместе с ней и человеческого достоинства? Что, если бы у нас не было свободы, семьи, имущества, достоинства, никакого представления о собственной личности? Стоит ли вообще говорить о смысле жизни в отсутствие всего этого? Может ли Бог действовать в жизни тех, кто лишен всех тех важных и имеющих смысл вещей, которые способен предложить этот мир? Но как бы странно это ни звучало, оказывается, что чем больше у нас «вещей» в этом мире, тем труднее найти смысл жизни и счастье.

Виктор Франкл, человек, переживший геноцид и прошедший через фашистские концлагеря, написал об этом в своей книге «Человек в поисках смысла». Он поведал читателю о том, что это значит, когда человек внезапно оказывается лишенным свободы, семьи и самоуважения. Франкл вспоминает, как нацисты обращались с заключенными, отбирая у них абсолютно все, что может дать мир, – в том числе и человеческое достоинство. Однажды в предрабачий темноте и холоде Франкл получил приказ отправиться на работу. Франкл вспоминает, как, маршируя с другими узниками к месту работы, он думал о своей жене и об их любви. Пожалуйста, впитайтесь в слова Франкла и попытайтесь постичь всю глубину его мысли. Он шагает на подневольную работу в колонне других заключенных – и вот что с ним происходит:

«Внезапно меня осенило; впервые в жизни я увидел истину – истину, которую воспевали столетие поэты, и столетие мыслители провозглашали как высшую мудрость. Вот эта истина: любовь – окончательная и высшая цель человека. Мне открылась величайшая тайна, о которой говорит человеческая поэзия, мысль и вера: человек спасается в любви и любовью. Я понял, каким образом человек, у которого ничего не осталось в этом мире, все равно может познать это блаженство, пусть на краткий миг, созерцая свою любовь. Нахо-

³ John Piper, *Desiring God* (Portland: Multnomah, 1986), 23 (курсив наш).

⁴ Определение удовольствия в знании и прославлении Бога не входит в цели данной книги. Тем, кто хочет больше узнать об этом вопросе, рекомендую следующие книги: *Knowing God by J. I. Packer* (Downers Grove, Ill.: InterVarsity, 1973); *Desiring God by John Piper*.

⁵ Norman L. Geisler, *Thomas Aquinas: An Evangelical Appraisal* (Grand Rapids: Mich.: Baker, 1991), 74.

дья в безысходном положении, не имея возможности выразить себя в позитивном действии, когда единственное, что можно сделать, — это переносить страдания должным образом, переносить их с честью, — даже в таком состоянии человек может достичь полноты в созерцании образа возлюбленной. Впервые в жизни я осознал смысл слов: «Ангелы забывают о себе, непрерывно созерцая бесконечную славу»... Мой разум по-прежнему не хотел расставаться с образом жены. В голову мне пришла мысль: я не знаю даже, жива ли она. Я знал только одно — сейчас я это понял очень хорошо: любовь идет намного дальше тела возлюбленной. *Любовь находит глубочайший смысл в ее духовном бытии, в ее внутреннем «я».*

В другой раз мы рыли окуп. Рассвет был серым; серым было небо сверху, серым был снег в бледном утреннем свете; серыми были лохмотья, в которые были одеты заключенные с серыми лицами. Я опять вел безмолвный диалог с женой, или может быть, пытался найти причину своих страданий, своего медленного умирания. В последнем яростном протесте против неотвратимо надвигающейся смерти я ощутил, как мой дух рвется прочь из окутывавшей меня серой безысходности. Я почувствовал, что вышел за пределы этого безнадежного, бессмысленного мира, и в ответ на мой вопрос — «Есть ли цель?» откуда-то донеслось ликующее: «Да!» И тут зажегся свет в доме на далекой ферме, которая стояла на горизонте, словно нарисованная, посреди убожества и сироты предзарященного баварского утра. «*Et lux in tenebris lucet*» — «И свет во тьме светит»... Именно эта духовная свобода, которую невозможно отобрать, наполняет жизнь смыслом и дает цель... Через несколько дней после освобождения [из Освенцима] я шел мимо цветущих лугов к городу, который был неподалеку от лагеря. В небе вились жаворонки, слышалась их радостная песня. На несколько миль вокруг не было никого и ничего — только бескрайняя земля и небо — и тогда я опустил ногу на колени... В голове моей звучала всего одна фраза, одна и та же: «*В тесноте моей я призвал Господа и к Богу моему воззвал, и Он услышал... голос мой, и воля моя дошел до слуха Его*».

В лагере мы говорили друг другу, что нет такого счастья на земле, которое могло бы заставить нас забыть все наши страдания. Мы не надеялись на счастье — не оно давало нам мужество и не оно придавало смысл нашим страданиям, нашим жертвам и нашей смерти... Для каждого из нас, освобожденных узников, наступает день, когда, вспоминая лагерь, мы не понимаем, как вообще вынесли все это. Как в день освобождения все казалось прекрасным сном, так неминуемо приходит и день, когда все, что было в лагере, вспоминается как сон кошмарный. Но лучшее, что постигает человека,

*возвратившегося домой, — это удивительное чувство, что после всего пережитого ему уже нечего бояться — кроме своего Бога».*⁶

Поразительное свидетельство того, что смысл человеческого существования невозможно найти, если в уравнение не включен Бог! Сами того не подозревая, фашисты помогли Франклу увидеть, что у Бога есть система ценностей, которая намного лучше нашей, но мы не примем ее до тех пор, пока не увидим, что она бесконечно превосходит все, что может дать этот мир. Вечный Бог дает нам вечные ценности, трансцендентные по отношению к этому миру. Потому, чтобы отвлечь наше внимание от мирского и обратить его на Себя и Свои пути, Богу иногда приходится удалять созданные миром препятствия, мешающие нам увидеть Его и все, что по-настоящему ценно и осмысленно.

Истинно верующие понимают, что их испытания и страдания — это лишь орудия, которыми пользуется Бог, чтобы уподобить нас Своему Сыну. Как великий Микеланджело отсекал «все лишнее» от бесформенной каменной глыбы, пока из нее не проступила прекрасная статуя Давида, так и Бог, глядя на верующего, видит а нем образ Сына Своего и отсекает всевозможные пороки и лишние смыслы черты, чтобы истинный образ проступил наружу. Верующие должны думать в первую очередь не о мучительном процессе обработки материала, а о результате — о том благе, которое уготовил нам Бог. Память о том, что мы созданы для рая, а не для этого мира, облегчает боль и страдания. Клайв Льюис писал:

«Христианский взгляд на этот мир таков: люди сотворены для того, чтобы пребывать в определенных отношениях с Богом (а из таких отношений с Ним неизбежно вытекают правильные отношения с ближним). Христос, говоря о том, что трудно «богатому» войти в Царство Небесное,⁷ подразумевал, несомненно, «богатство»

Я просил у Бога

(Письмо неизвестного автора к Энн Ландерс)

Я просил у Бога сил, чтобы добиваться успехов.
Он сделал меня бессильным, чтобы научить послушанию.
Я просил здоровья, чтобы делать больше.
Он послал мне немощь, чтобы делать тщательнее.
Я просил богатства, чтобы стать счастливым.
Мне дана была бедность, чтобы я стал мудрым.
Я просил власти, чтобы меня хвалили люди.
Я получил слабость, чтобы почувствовать, как нужен мне Бог.
Я просил обо всем, чтобы получать удовольствие от жизни.
Я обрел жизнь, чтобы получать удовольствие от всего.
Я не получил ничего, о чем просил, зато получил все, на что надеялся.
Едва ли не вопреки мне самому, Бог вынул моими невысказанными молитвами.
Он осыпал меня благословениями.
Теперь я счастлив, как никто другой.

⁶ Viktor Frankl, *Man's Search For Meaning* (New York: Simon & Schuster, 1984), 56–58, 60, 87, 111, 114–115 (курсив наш).

⁷ Мар. 19:23; Лук. 18:24.

в обычном его смысле. Но мне кажется, здесь имеется в виду «богатство» и во всех других смыслах: удачливость, здоровье, популярность – все то, что хочется иметь. Всем этим вещам – как и деньгам – свойственно отвлекать нас от Бога, давать чувство независимости, потому что, имея их, человек уже счастлив и доволен в этой жизни. Ему уже ничего не хочется, и он стремится покониться в тени счастья, как будто оно может быть вечным. Но Бог хочет дать нам подлинное, вечное счастье. И для этого Ему, может быть, понадобится отобрать у нас все эти «богатства», иначе мы по-прежнему будем полагаться на них. Жестокое, не правда ли? Но я постепенно убеждаюсь, что те доктрины, которые люди называют жестокими, в конечном счете оказываются самыми добрыми... Если вы думаете, что этот мир предназначен только для счастья, он кажется вам просто невыносимым. Но стоит представить, что это место для учебы и исправления, – и все не так уж и плохо. Поэтому доктрина, которая поначалу приводит в содрогание, в конце концов утешает и укрепляет».⁴

В жизни человека есть, в конечном итоге, только одна цель: либо угождать Богу, либо угождать себе. Когда верующие вместо собственных интересов выбирают Бога, происходит странная вещь: они начинают ценить то, что ценит Бог, и выбирать то, что выбирает Бог. Поэтому, когда они находят в Боге все больше и больше радости, Он начинает отвечать на их глубочайшие желания. Именно об этом говорится в Библии: «Утешайся Господом, и Он исполнит желания сердца твоего» (Пс. 36:4). По мере того как Бог изменяет сердца тех, кто по-настоящему верит в Него, – а вместе с сердцами и ценности, – они и вправду уподобляются Сыну Божьему, и в их жизни открывается Его слава. Таким образом, они действительно получают лучшее и от этого мира, и от мира небесного. Очень верно высказывался по этому поводу Клайв Льюис: «Цельтесь в небо – попадете и в землю; цельтесь в землю – не попадете никуда!»⁵

ПОЧЕМУ В ЭТОМ МИРЕ НЕЛЬЗЯ НАЙТИ ПОДЛИННОЕ СЧАСТЬЕ?

Прежде чем отвечать на этот вопрос, нужно разобраться, что же такое счастье. В своей книге «Запечатлено в сердце» Дж. Будзишевски исследует разные определения счастья. Он отмечает, что существуют четыре основных мнения, каждое из которых претендует на истинность. Чтобы разобраться, какое из них истинно на самом деле, Будзишевски обращается к Аристотелю, искавшему зерно истины в каждом из этих определений:

«Существует ли высочайшее человеческое благо? Если высочайшее благо нет, если любое благо мы ищем ради какого-то другого блага, – тогда следовало бы вообще отказаться от рационального упорядочивания жизни, ибо мы, как белки в колесе, все бежим и бежим по кругу, но никуда не прибегаем. Но если высшее благо существует, то хорошо бы его найти... Высшее человеческое благо должно иметь два свойства. Во-первых, все остальные блага следует искать ради него; во-вторых, его само следует искать ради него самого. Известно ли нам такое благо? Аристотель указывает, что почти все, везде и всегда отвечает на этот вопрос одинаково: это благо – счастье...»

Аристотель признает ту идею, что высочайшее человеческое благо – это счастье. Но при этом он сразу же отмечает, что идея нуждается в уточнении. Дело в том, что люди расходятся во взглядах на то, что такое счастье. Однако вариантов не так уж много:

- Определение 1: Счастье – это удовольствие.
- Определение 2: Счастье – это честь.
- Определение 3: Счастье – это добродетель, или совершенство.
- Определение 4: Счастье – это физическое и материальное благо – такие, как здоровье и богатство...

Аристотель... исследует эти мнения на предмет того, не смешана ли в каждом из них истина с заблуждениями, подобно тому, как зерна смешаны с плевелами. Если отсеять плевелы, то можно перемолоть муку и выпечь хлеб.

Определение 1. Счастье – это удовольствие. Зерно: никто не называет счастливым человека, никогда не испытывавшего удовольствия. Плевелы: и все-таки можно ли говорить, что счастье и удовольствие – это одно и то же? Люди часто бывают несчастными среди довольствий; к тому же, удовольствие мимолетно – оно приходит и уходит. Подлинное же счастье должно быть постоянным и наполнять всю жизнь. Похоже, удовольствие – это не суть счастья, а просто его сопутствующий фактор, или «побочный эффект».

⁴ Lewis, *God in the Dock*, 51–52.

⁵ Клайв С. Льюис, «Просто христианство» («Гендальф», 1994), стр. 129.

Определение 2. Счастье – это честь. *Зерно:* никто не назовет счастливым человека, никогда не знавшего почета и признания. *Пиевель:* даже стремящийся к почестям признает, что быть в почете у людей за несуществующие заслуги – бессмысленно. Поэтому, в конечном счете, человек ищет почета не ради самого почета; он действительно желает этот почет каким-то образом заслужить. Однако почет можно как заслужить, так и потерять. А подлинное счастье, как уже было сказано, постоянно, и потерять его не так-то просто.

Определение 3. Счастье – это добродетель, или совершенство. *Зерно:* в отличие от удовольствия, добродетель постоянна; и в отличие от чести, ее не могут отнять другие люди. Кроме того, мы выяснили, что тот, кто ищет чести, хочет ее заслужить. Но заслужить честь можно, только обладая добродетелями. *Пиевель:* представьте себе добродетельного человека, который в результате ужасной ошибки приговорен к казни за преступление, которого не совершал. Счастлив ли он в своем страдании? Сократ полагал, что да; Аристотелю же эта мысль казалась абсурдной.

Определение 4. Счастье – это физические и материальные блага, такие, как здоровье и богатство. *Зерно:* разве мы не признали только что – на примере человека, страдающего под пыткой, – что счастье зависит от внешних условий? *Пиевель:* пример добродетельного человека, незаслуженно осужденного, не доказал, что счастье возможно без добродетели; он доказал лишь, что добродетели недостаточно для счастья.¹⁹

Даже собрав воедино все найденные Аристотелем зерна истины, мы все равно видим, что для достижения счастья чего-то не хватает, так как все предложенные выше определения зависят от временных обстоятельств. По сути, это определения счастья как *величайшего человеческого блага*. Но мы уже объяснили, что подлинное счастье и настоящий смысл трансцендентны по отношению к человечеству и укоренены в *высшем благе – в Боге*. Все, что остается нам без Бога, – это извлекать смысл и счастье из поисков и достижения величайшего человеческого блага в этом мире. Без Бога высшее счастье и высший смысл всегда будут ускользать от нас. Но если бы люди искали там, где нужно, – в собственных сердцах, – они узнали бы, что этот мир не способен дать им то, чего они хотят по-настоящему. Клайв Льюис называет это желание

«...несуловным отблеском, невыполненным обещанием, несудимым злом... Это – сокровенная печать каждой души, о которой рассказать невозможно, хотя мы стремимся и стремились к ней рань-

ше, чем нашли себе жену, друга, дело, и будем стремиться в смертный час, когда для нас уже не будет ни друга, ни дела, ни жены. Пока мы есть, есть и это. Если мы это утратим, мы утратим все».¹¹

В Библии сказано, что Бог вложил вечность в сердца всех людей. В каждом человеческом сердце живет жажда вечности, желание обладать ценностью, которая переживет этот временный мир. В каждом из нас заложено стремление жить так, чтобы в конце, когда все сказано и сделано, все же оставалось что-то еще. Но тоска по вечности не может быть утолена в этом ограниченном временном мире; только бесконечное (Бог) может придать вечное значение временному (человеку). Поэтому Давид говорит: «Ты указываешь мне путь жизни; полнота радостей пред лицом Твоим, блаженство в деснице Твоей вовек» (Пс. 15:11). Как писал Льюис, «земные удовольствия и предназначены не для того, чтобы насыщать... а только для того, чтобы пробуждать... предлагая то, что настоящее», а это «настоящее» и есть отношения с Богом. Именно Бог желает дать нам счастье, и нам приходится решать, примем ли мы эту благодать, предложенную Самим Его Сыном.

ЧТО ЖДЕТ В БУДУЩЕМ ТЕХ, КТО УВЕРОВАЛ В ИИСУСА?

Когда человек выпускает в сердце Иисуса Христа, Господа и Спасителя, Бог начинает действовать в жизни этого человека, приближая его к главной цели – уподоблению Божьему Сыну. Иными словами, Бог зачисляет этого человека в школу, где воспитывается характер. Бог использует все в этой жизни, в том числе людей и обстоятельства, чтобы превратить мир уверовавшего в «место для учебы и исправления» (по Льюису). Вся оставшаяся земная жизнь этого человека становится подготовкой к вечности на небесах. Со временем он понимает, что те пороки, которыми он раньше наполнял свою жизнь, теперь необходимо отбросить, а добродетели, казавшиеся скучными, – принять. Однако – и это прекрасно! – Бог дает ему силы и желание выбирать добродетели вместо пороков. Такой выбор, совершаемый раз за разом, и позволяет воспитать характер, о котором Иисус говорил в Нагорной Проповеди.

В Евангелии от Матфея 5:3-10 Иисус начинает свою проповедь с описания противоположностей семи смертным грехам. Эти заповеди называются *заповедями блаженства*. У каждого из семи смертных грехов есть противоположность, которая действует как противополодие от отравы греха. Каждое из этих противополодий Иисус называет по имени. В таблице напротив каждой заповеди блаженства мы поместили грех, от которого она должна исцелить. Питер Крифт для наглядности противопоставляет пороки (семь смертных грехов) соответствующим добродетелям (заповедям блаженства):

¹⁹ J. Budziszewski, *Written on the Heart: The Case for Natural Law* (Downer Grove, Ill.: InterVarsity, 1997), 19–21.

¹¹ Льюис К. С., «Страдание». Собрание сочинений в 8 томах, том 8. Москва: Фонд им. Александра Меня, 2000. – стр. 201.

«Гордыня – это самонадеянность и себялюбие; духовная нищета – это смирение, отсутствие эгоизма. Алчность – это жадность, желание хватать и удерживать только для себя блага этого мира. Милосердие – это желание отдавать, делиться благами этого мира с другими, даже с теми, кто этого не заслуживает. Зависть – ненависть к чужому счастью; плач – соучастие в чужой скорби. Гнев стремится вредить и уничтожать; кротость отказывается наносить вред другим, а миротворчество предотвращает разрушение и гибель. Лень отказывается усилием воли выбирать добро, идеал; жажда праведности, напротив, стремится к добру. Похоть разлагает душу, желая каждое прилекательное тело; чистота сердца укрепляет душу, желая только Бога. Чревоугодие требует поглощения огромного количества благ этого мира; гонения лишают даже того, что нужно в первую очередь».¹²

Взяты вместе, заповеди блаженства рисуют картину пути, по которому ведет верующих Святой Дух. Но сами по себе семь перечисленных добродетелей – еще не главная цель. Богу нужна цельность личности, а не просто хорошие дела и добродетели. И это нужно ясно понять, иначе легко впасть в заблуждение, будто Богу важно только то, что мы делаем, а не то, кто мы есть. Будь это так, хорошие поступки то и дело совершались бы из ложных или эгоистических побуждений. Богу угодно, чтобы наши поступки шли от чистого сердца. Клайв Льюис пишет об этом так:

Пороки (смертные грехи)	Добродетели (заповеди блаженства)
<ul style="list-style-type: none"> • Гордыня • Алчность (жадность) • Зависть • Гнев • Лень • Похоть • Чревоугодие 	<ul style="list-style-type: none"> • Духовная нищета (смирение) • Милосердие • Плач • Кротость и мир • Жажда правды • Чистота сердца • Стойкость перед лицом гонений

«Человек, стареющий всегда и во всем быть справедливым, в конце концов развивает в себе то качество характера, которое называется справедливостью. Именно качество характера, а не отдельные поступки имеем мы в виду, когда говорим о добродетели... Суть не в том, что Бог не допустит нас в Свой вечный мир, если мы не обладаем определенными свойствами характера, а в том, что если здесь мы не обретем по крайней мере зачатков этих

качества, никакие внешние условия не смогут создать для нас «рая», то есть – дать глубокое, незыблемое, великое счастье, какого желает для нас Бог».¹³

Небеса – это конечное предназначение тех, кто выбрал Иисуса Христа, принял Его в свою жизнь. Они будут жить вечно, в гармонии с Богом и со всеми любящими Его людьми. Библия учит, что жизнь в этом мире подобна отражению в зеркале, взгляду «сквозь тусклое стекло», а на небесах все станет ясным. Сейчас мы знаем мало, но на небесах наше знание будет полным (1 Кор. 13:12).

Если вы можете представить себе мир, все обитатели которого по-настоящему смиренны, кротки, праведны, милосердны, чисты сердцем, и их отношения с Богом и друг с другом ничем не омрачены, – значит, у вас есть некоторое, хоть и очень отдаленное, представление о небесах. Небеса можно представить как место, где царит совершенная гармония – как в игре оркестра музыкантов-виртуозов. Внимание каждого из музыкантов (верующих) обращено в первую очередь на дирижера (Иисуса Христа), и вся их песня – о любви (Отк. 5:11–13). На небесах торжествует совершенная радость – радость о Боге и том, что Он совершил для тех, кого Он возлюбил, для тех, кто возлюбил Его и доверился Ему в Его Сыне, Иисусе Христе (Отк. 7:9–12). Небеса – это место, где больше не будет боли и страданий, и где Сам Бог вытрет каждую слезу (Отк. 21:3–5). Это место, где больше не будет ночи и тьмы, потому что Бог будет светом для Своего народа (Отк. 21:23–24). На небесах уже не будет лжи, обмана, невыполненных обещаний, разочарований, предательства и пороков, потому что там нет места злу: зло будет побеждено и устранено навсегда (Отк. 21:27).

На небесах у каждого будет совершенное тело, созданное для вечной жизни. Это будет то же физическое тело, которое было на земле, но воскресенное и прославленное (1 Кор. 15:39–49). Слово «слава» включает в себя и такие понятия, как «проявление совершенства» или «полнота». Иными словами, те, кто войдет на небеса, будут знать, что это значит – быть полностью человеком. В них будет больше человечности, чем можно представить здесь, на земле. На небесах будет совершенным образом сочетаться физическое и духовное.

Природа и Дух на небесах будут пребывать в гармонии; то же произойдет с прославленными телами, душами и духами всех верующих. На небесах уже не будет пороков, мешающих процветанию добродетели, и верующие смогут достичь духовной полноты. Но это вовсе не означает, что Бог ожидает от нас духовного роста только после того, как мы попадем на небо. Процесс роста начинается с того момента, когда человек исповедует Иисуса Христа своим Господом и Спасителем. Процесс достижения полноты или цельности способствует обретению смысла жизни – и этой, и вечной. Те же, кто отвергает

¹² Peter Kreeft, *Back to Virtue*, (San Francisco: Ignatius, 1992), 92–93.

¹³ Клайв С. Льюис, «Просто христианство» («Гендальф», 1994), стр. 87–88 (курсив наш).

Христа, лишь культивируют скверну, уже существующую в их жизни. Поговорим об этом подробнее. Каким образом процветает человеческая испорченность, когда люди не желают обратиться к Богу и искать избавления от нее?

КАКОВЫ ЗЕМНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ БЕЗБОЖИЯ?

Не желая признать свою нужду в Боге и отказываясь выполнять Его заповеди, люди рискуют прийти к такой жизни, которая разрушает... саму жизнь. Рассмотрим это на примере человека, который решил искать сексуального удовлетворения не так, как заповедано Богом. Мы приведем пример, связанный с порнографией, увлечение которой часто называют «безобидным и безвредным».

Божьи заповеди недвусмысленно гласят, что сексуального удовлетворения следует искать только в брачном союзе. Памятя учение Иисуса о том, что корни половой распущенности – в сердце человека, мы рассмотрим, каким образом определенное направление мыслей ведет к безнравственности. Воспользуемся аналогией Клаява Льюиса: «Бог создал нас, избрал нас, как человек изобретает машину». Отвергая волю Бога и заправляя эту машину любым топливом по своему желанию, человек скоро приведет эту машину в негодность. Как скоро – это лишь вопрос времени.

Представим, что человек, желая удовлетворить свой сексуальный аппетит, заправляет эту машину суррогатным топливом – таким, как «мягкая» порнография. Он поглощает это поддельное топливо и, похоже, получает удовлетворение. Это входит в привычку. Какое-то недолгое время ему кажется, что порнография – «то, что надо», но вскоре он обнаруживает, что это топливо уже не удовлетворяет его по-настоящему. Он не понимает, что из-за этого поддельного топлива его машина приходит в негодность, что он нравственно деградирует. У него складывается впечатление, что используемое им топливо не дает достаточно энергии. На самом же деле, изменилось не топливо; *изменился он сам*. Похоть становится все сильнее, и его нравственное состояние ухудшается. Поэтому он испытывает потребность в более сильном топливе.

Он ищет другие способы сексуального удовлетворения – и в поисках топлива все сильнее знакомится с миром «жесткой» порнографии. Он еще не знает, что по мере того как привычка становится сильнее, его машина начинает «работать по кругу». Иными словами, та сила, которая гонит его по замкнутому кругу похоти и порнографии, выходит из-под контроля. Он все глубже и глубже вязнет в привычке, пытается найти более мощное топливо, которое бы удовлетворяло его растущие извращенные сексуальные желания. Этот человек начинает делать то, о чем раньше бы даже не помыслил, чтобы найти желанную топливную смесь (вплоть до противозаконных форм жесткой порнографии) и удовлетворить свои нескончаемые потребности.

Сам того не осознавая, человек вступил на путь гибели. У него сформировалась зависимость, и он ведет порочную, безнравственную жизнь. Во многих отношениях его жизнь ничем не лучше жизни наркомана. К тому же, если он не признает свою зависимость и не обратится за помощью, он, как и наркоман, рискует стать жертвой передозировки. Позвольте объяснить, каким образом это происходит. Научно доказано, что тот или иной тип поведения приводит к изменениям в химии мозга. Застарелые привычки воздействуют на человека таким же образом, как и химическая зависимость. Все новые и новые исследования подтверждают, что воспоминания о пережитом в моменты возбуждения (в том числе и сексуального) трудно стереть; они образуют так называемые «связи» или «зависимое поведение» по отношению к стимулятору. В статье, посвященной исследованию зависимостей, аналитик журнала *"Time"* пишет:

«Только сейчас мы начинаем понимать, насколько прочно связана зависимость с запоминанием и памятью. Ученые считают, что каждый раз, когда медиатор (например, дофамин) заполняет синапс, в мозге запечатлевается «пусковое устройство», приводящее в действие определенные мысли и поступки... На субто химическом уровне это означает, что любое приятное переживание – слушаем ли мы музыку, обнимаем ли любимую женщину или едим шоколад – это всего-навсего выброс дофамина».¹⁴

Если постоянно совершать добрые дела, это становится хорошей привычкой. Точно так же, чем больше поощряется плохая привычка, тем глубже запечатлевается она в мозге человека, что приводит к зависимости. Специалисты используют три основных термина для обозначения зависимости: пристрастие, привыкание и зависимость. *Пристрастие* – это непреодолимое влечение делать или иметь что-либо, а также готовность пойти ради этого едва ли не на все. Например, когда человек пристрастился к порнографии, у него развивается желание снова и снова это видеть – до тех пор, пока он не достигнет уровня привыкания. Понятие «*привыкание*» описывает постоянно возрастающую потребность в наркотике – или повторении удовольствия. В результате для удовлетворения требуется все более и более сильная стимуляция. У привыкшего к порнографии человека наступает стадия «эскалации», когда, чтобы достичь прежнего уровня удовлетворения, ему нужен еще более жесткий стимулятор. Наконец, наступает психическая и/или физическая зависимость, когда человек уже не может нормально функционировать без привычного «допинга», и ему приходится постоянно разжигать себя.

Но со временем порнография перестает оказывать желанное воздействие. Это и есть тот самый неизбежный замкнутый круг, о котором мы говорили выше. Когда человек зашел совсем далеко, существует вероятность, что он

¹⁴ Madeleine J. Nash, "Addicted: Why Do People Get Hooked?" *Time*, May 5, 1997, 72.

пытается получить необходимое удовлетворение путем «реализации» своих фантазий – то, что раньше существовало лишь в воображении, теперь становится желанной реальностью. Теперь ему нужны уже не просто обнаженные тела, теперь речь идет о сексуальных извращениях, и вполне возможно, преступлениях на сексуальной почве, совершаемых любителями порнографии. Они насилуют, издеваются над детьми, заставляют детей участвовать в порнографии. Помутненный и развращенный человеческий разум способен и на худшее – в том числе и на убийство жертв, чтобы те не могли опознать преступников.

Тед Банди – печальный и отрезвляющий пример того, как порнография способна вызвать зависимость и привести к смерти. Этот молодой и талантливый студент факультета права начал похищать девушек из обидежитой колледж. Он убил двадцать восемь женщин, прежде чем его схватили. Последней его жертвой была двенадцатилетняя девочка. Банди был осужден и приговорен к смертной казни. Десять лет он провел в камере смертников. Когда до казни оставалось два дня, он попросил о встрече с доктором Джеймсом Добсоном. В ходе этой встречи Добсон попытался дойти до сути нравственной болезни преступника. «Как это произошло? – спрашивал он. – С чего все началось?» Банди рассказал, как еще в детстве пристрастился к порнографии – сначала в мягкой форме, а затем и в жесткой. «Но с одной порнографией далеко не уйдешь, – объяснил Банди. – Я дошел до края». Под «краем» он подразумевал тот предел, когда ему перестало хватать одних только картинок и фильмов; ему нужны были «нормальные» половые отношения. Порнография стала тропой, приведшей его к убийству двадцати восьми женщин, тюрьме и смерти.¹⁵

Банди – не единственный случай. Авторы книги «Путешествие во тьму» приводят хронику различных преступлений на сексуальной почве. Говоря о бесполезности усилий по реабилитации сексуальных маньяков, авторы прибегают к такой аналогии: попробуйте-ка испечь торт, когда руки запачканы машинным маслом! Когда тесто замешано, отделить масло от общей массы уже невозможно:

«Дело в том, что в огромном большинстве случаев те побуждения, желания и расстройства, которые приводят их к насилию и убийству ни в чем не повинных людей (в том числе и детей), настолько прочно закреплены в «рецепте», что избавиться от машинного масла попросту невозможно... Одно из таких преступлений вспоминается с особой болью. В начале 90-х годов из тюрьмы сбежал маньяк-педофил. О нем рассказывали в передаче «Разыскивается опасный преступник». Оказалось, что сам он тоже видел эту передачу и понял: те, кто знал его под вымышленным именем, не-

пременно опознают его и сообщает в полицию. Его вернут в тюрьму, и на этом все закончится. Зная, что именно это произойдет, и что жить на свободе осталось недолго, он вышел из дому, сел в машину – и, прежде чем его нашла полиция, похитил, изнасиловал и убил еще одного ребенка. Он знал, что его упрчут за решетку навсегда, и решил воспользоваться последним шансом».¹⁶

ПОСЛЕДСТВИЯ ОТКАЗА ОТ БОГА И НРАВСТВЕННОГО ЗАКОНА

Как мы видим, основная причина распада личности и морального разложения напрямую связана с тем, что человек отказывается от праведной жизни, не желает отвергнуть зло. Такому человеку все труднее и труднее помочь, так как его нравственное разложение усиливается, а совесть огрубевает. Например, при моральной деградации человека, постоянно пользующегося порнографией, механизм «ожелание-мысль-поступок» запускается все проще и проще, а сдерживающие механизмы совести и вины действуют все слабее и слабее. Библия имеет в виду именно это состояние, когда говорит о людях, «сожженных в совести своей» (1 Тим. 4:2).

При серьезных ожогах на пострадавших участках тела образуются шрамы, и чувствительность кожи снижается. Подобным образом, когда такое «прижигание» совести (игнорирование или нарушение нравственного закона) и подавление чувства вины входит в привычку, результатом становится снижение чувствительности к злу. Со временем человек вообще утрачивает способность отличать добро от зла. О людях, пребывающих в таком состоянии, Библия говорит, что они «осутились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце» (Рим. 1:21). Описывая эти нравственные перемены, Льюис заметил:

«По мере того как человек становится лучше, он яснее видит то зло, которое еще остается в нем; становясь же хуже, меньше замечает его в себе. Умеренно плохой человек знает, что он не очень хорош, тогда как человек, насквозь испорченный, полагает, что с ним все в порядке. О том, что это так, говорит нам здравый смысл. Вы понимаете, что значит спать, когда бодрствуете, а не когда спите. Вы заметите арифметические ошибки, когда голова ваша работает четко и ясно; делая ошибки, вы их не замечаете. Вы можете понять природу опьянения только трезвым, а не когда пьяны. Хорошие люди знают и о добре, и о зле; плохие не знают ни о том, ни о другом».¹⁷

¹⁵ John Douglas and Mark Olshaker, *Journey Into Darkness* (New York: Simon & Schuster, 1997), 362–363.

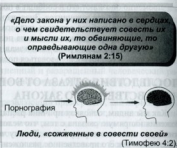
¹⁷ Клайв С. Льюис, «Просто христианство» (Гендальф, 1994), стр. 98.

¹⁶ Dr. James Dobson, *Life on the Edge, Focus on the Family & Word Inc.*, 1993, 1994, видеокассета.

Этими словами Льюис выразил суть одного из главных последствий отказа от Бога и Его нравственного закона. Еще одно последствие сказывается на окружающих: когда мы отворачиваемся от Бога и ставим превыше всего исполнение своих эгоистичных желаний любыми способами, мы всегда вредим не только себе, но и тем, кто рядом. Не бывает частного, изолированного греха. Выбор каждого человека влияет на его семью, друзей, и, в конечном счете, общество в целом. Очевидно, что проблемы нашего общества уходят корнями на уровень личности, на уровень стремления отдельно взятого человека быть центром мироздания. Эгоизм не только разлагает самого человека, но только разрушает семью, но и приводит к нравственному кризису в масштабах целой страны.

В главе 14, говоря о том, как грехи одного влияют на общество в целом, мы процитировали автора, писавшего: «Все смертные грехи подливают масла в огонь пороков общества: похоть приводит к порнографии, чреуотодие – к обжорству, пьянству и другим злоупотреблениям, зависть – к терроризму, гнев – к насилию, лень порождает безразличие к боли и страданиям других, жадность – злоупотребление общественным доверием, гордыня – дискриминацию».¹⁸ Мы отметили также, что порок, порождающий все остальные пороки, – это гордыня, возвышение самого себя, то есть эгоизм. Теперь мы хотим показать, каким образом эгоизм и эгоцентризм может отразиться – и уже отражается – на жизни целой страны.

Современная западная культура характеризуется невероятным эгоизмом во всех слоях общества – от студенческой молодежи до профессиональных бизнесменов и политиков, вплоть до администрации Президента Соединенных Штатов. Журнал «Newsweek»¹⁹ готовя главную статью одного из выпусков, провел опрос, в котором попросил американцев высказать свое мнение о причине морального упадка Америки. В журнале приводились результаты этого опроса, в соответствии с которыми 76% взрослого населения страны считают, что Америка переживает нравственное разложение.²⁰ Эта статья – лишь одно из множества подтверждений нравственной дегра-

дации нашего общества. Пытаясь выявить основную причину этой деградации, журнал «Time» несколько лет назад провел исследование, результаты которого были опубликованы в статье «Что случилось с этикой? Устав от грязи, скандалов и лицемерия, Америка отправилась на поиски своих нравственных корней». В этом выпуске «Time» опубликованы интервью с ведущими специалистами страны в области этики, которые определяют главную причину проблемы следующим образом: «одержимость собой и собственным имиджем». Автор статьи пишет:

«По результатам недавнего опроса, проведенного для журнала «Time», 90% респондентов объясняют упадок нравственности тем, что родители не берут на себя ответственность за детей и не выкупают им представления о нормах морали; 76% считают, что возрастанию нравственного хаоса способствуют аморальные средства ведения бизнеса; а 74% сетуют на то, что политики и государственные деятели, лидеры не подают обществу должного примера. Юристы часто считают не блюстителями правовых норм, а ловкими дельцами, которые в погоне за прибылью ищут лазейки в законе. Даже Лиза Милфорд, консультант по этике в Ассоциации американских юристов, насчитывающей в своих рядах 313000 человек, соглашается, что слишком многие адвокаты «защищают собственные интересы, а не честность и неподкупность правовой системы»...

Не пользуются уважением и врачи. Новейшие технологии, дающие власть над жизнью и смертью, завели их в этические джунгли, и теперь докторов считают просто охотниками за наживой. Доктор Ричард Куссероу, главный инспектор Министерства здравоохранения и социальных служб США, утверждает, что создаваемые медиками комитеты взаимной проверки, храня честь мундира, закрывают глаза на незачисленное поведение коллег. «Они прикрывают от общественности некомпетентность друг друга».

Психологи считают, что «одержимость собой и собственным имиджем» проникает и в семью. Карлфред Бродерик, профессор социологии из Университета Южной Калифорнии, говорит, что постановка во главу угла «самости» – в противоположность долгу – размыла традиционные семейные обязательства... «Индивидуальные права играют немаловажную роль, – говорит он, – и именно на этой почве возникают трения в сегодняшних семьях». Ирэн Голденберг, профессор психологии из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, приходит к выводу, что культ индивидуализма привел к более эгоистичному взгляду на «ответственность в браке», в том числе и на развод. Голденберг добавляет, что пониженное чувство ответственности перешло и детям, притупив чув-

¹⁸ Schimmel, The Seven Deadly Sins: Jewish, Christian, and Classical Reflections on Human Psychology, 3–4 (курсив наш).

¹⁹ Newsweek, June 13, 1994.

ство преданности семье. В результате, пишет она, сегодняшние дети «в первую очередь заботятся о себе».²⁰

Ведущие специалисты по вопросам этики в Америке считают, что нравственный упадок нашей культуры уходит корнями в семью и еще глубже — к моральной деградации отдельно взятого человека. Исследуя основную причину упадка нравственности на уровне страны, журнал "Time" пришел к выводу, что это — эгоизм.

В заключение отметим, что земных последствий эгоистичной жизни и отказа от Бога довольно много; мы назовем только три. Во-первых, расплата приходит тогда, когда жизнь человека постепенно погружается во тьму, удаляясь от света нравственного закона, данного Богом. Во-вторых, такой человек приносит вред родным и друзьям. В-третьих, горькие плоды эгоизма и гордыни в конечном итоге пожирают общество в целом. Но это — лишь временные, земные последствия безбожия, которые служат только предвестием ада — вечного отлучения от Бога. Об этом речь пойдет в следующей главе.

16

ВОПРОСЫ О ПОДЛИННОМ СТРАДАНИИ И ОБ АДЕ

*В определенном смысле погибшие —
победители: им удалось их мятеть;
и я охотно верю, что врата ада
закрыты изнутри*

— Клайв Льюис

КАКОВЫ ВЕЧНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ БЕЗБОЖИЯ?

Простой и ясный ответ на этот вопрос дает Иисус: «Потому Я и сказал вам, что вы умрете во грехах ваших; ибо если не уверуете, что это Я, то умрете во грехах ваших» (Иоан. 8:24). Смерть во грехе — это вечное отлучение от Бога и Его любви. Иисус спрашивает лицемеров-фарисеев, отвергших Его: «Как убежите вы от осуждения в геенну?» (Мат. 23:33). Иисус говорит, что не верующих в Него ждет смерть — не только физическая, но и духовная. В Библии духовная смерть называется «второй смертью» (Отк. 20:6, 14), ведущей к вечной разлуке с Богом. Имя этой разлуке, этой изоляции во зло людей, отрехнувшихся от Бога, — ад. Ад был создан не для людей, но для падших ангелов, избравших вместо послушания Творцу собственный путь (Мат. 25:41). Все отвернувшиеся от Бога будут в конечном счете изгнаны из Его присутствия и навсегда останутся в аду в сознательном состоянии вечного отделения от Бога.

²⁰ Ezra Bowen, "Looking to Its Roots", Time, May 25, 1987, 26.

Но справедливо ли это? Почему человек обречен на вечность в аду, если он согрешил только в этой жизни? Неужели наказание (приговор к вечности в аду) соответствует преступлению (грехам в этой временной жизни)? Чтобы смысл слов Иисуса открылся нам полностью, давайте задумаемся над тем, Кто такой Бог (Его божественная природа) и кто такие мы (наша человеческая природа). Если Бог праведен, любящ и справедлив, то это должно быть явлено и в аду.

Во-первых, ад – это справедливо, потому что на протяжении всей жизни мы вольны выбрать путь, не ведущий в ад. Бог дал нам достаточно свидетельств (о которых мы уже говорили в этой книге), чтобы мы могли сделать выбор: вечно пребывать с Ним на небесах – или же отвергнуть Его и вечно быть без Него в аду. Люди, отвернувшиеся от Бога, сделали свой выбор: вечно пребывать без Него.

Во-вторых, ад – это справедливо, потому что Божья любовь требует существования ада. Бог уважает выбор людей, отвергающих Его любовь. Принудительной любви не бывает, потому Бог не может навязать Свою любовь тем, кто этого не желает. Бог лишь побуждает людей выбрать любовь, но никогда не принуждает. Навязанные отношения идут вразрез со справедливостью, любовью и добротой, поэтому Бог на них не способен. Иисус говорит об этом, глядя на Иерусалим с горы и восклицая: «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!» (Мат. 23:37; курсив наш).

В-третьих, ад – это справедливо, потому что это возмездие за зло. Бог праведен, и Он судит всякого, кто согрешил и нарушил Его нравственный закон. Все сталины и гитлеры этого мира, равно как и человечество в целом, должны предстать пред справедливым судом – и именно Бог воплощает высший суд и высшую справедливость. Таким образом, Божья праведность требует существования места, где пребывали бы после этой жизни все, кто не покаялся (не пожелал признать свою вину и искать прощения).

ПОЧЕМУ В АД ОТПРАВЛЯЮТСЯ «ХОРОШИЕ» ЛЮДИ?

Некоторые считают ад подходящим местом для Сталина или Гитлера, но их смущает такая перспектива для обычных людей, ведущих вполне благопристойную жизнь.

Во-первых, то, что мы считаем «хорошим», и что хорошо в глазах Бога, может оказаться далеко не одним и тем же. Когда Иисус провозглашает приговор городам, отвергшим Его чудеса, Он говорит, что их ждет наказание более тяжкое, чем жителей других городов. Например, людям Содома отпаднее будет в день суда, говорит Иисус, чем людям Капернаума (Мат. 11:24). Вдумайтесь: вина жителей Капернаума состояла лишь в том, что они не при-

няли Иисуса, тогда как грехом содомлян была сексуальная развращенность. Бог считает безразличие к Нему «более тяжким» грехом, чем сексуальная развращенность. Это нисколько не облегчает сексуальные грехи, омерзительные в глазах Бога. Это лишь свидетельствует о том, насколько далеки от истины все людские представления о тяжести различных грехов.

Суд Божий справедлив, и тяжесть греха влечет за собой соответствующее возмездие. В Библии не раз оговорены различные степени тяжести грехов и соответствующие наказания. Так, Иисус говорит, что на Пилате и Иуде «более греха» (Иоан. 19:11). В Библии также сказано, что каждый человек будет судим по грехам его (Рим. 2:6; Отк. 20:12), и что Бог праведен и чист в судах Его (Пс. 50:6).

Во-вторых, нравственный закон основан на природе Бога, потому всякое нарушение его – это, в сущности, бунт против Самого Бога (Пс. 50:6). Это верно в отношении любого греха, даже греха против самого себя, потому что мы созданы по образу Божию, и все то хорошее, что в нас есть, – это отражение Его образа. Пренебрежение к себе или другим равносильно пренебрежению к истинному образу Бога в себе и в них. Поэтому, искажая образ Божий в себе или в другом человеке, мы, в конечном счете, согрешаем против Бога.

В-третьих, Бог существует вне времени (как вечное и бесконечное Бытие), а мы живем во времени (как существа конечные), поэтому грехи наши, хотя и совершаются во времени, влекут за собой последствия в вечности. В глазах Бога все наши грехи лежат перед Ним в вечности, потому и последствия наказания также уходят в вечность. Перед Богом все наше конечное время предстает в «вечном настоящем»; из вечности Он действует во времени. Однако наши поступки, совершаемые во времени, находятся перед Ним в вечности. Думать иначе значило бы искажать природу греха и его последствия. Одно из таких заблуждений – что время стирает грех. Ошибочно думать, что мы не несем ответственности за прошлый грех потому, что он остался в прошлом. Крайне Любокс объясняет это как всегда живо, прямо и просто:

«Многие люди с улыбкой вспоминают, как они лгали или мучили кого-нибудь в детстве, так, словно это их уже не касается (бывало это и со мной). Но время не уничтожает ни греха, ни вины. Чувство греха сменяется не временем, а покаянием и кровью Христовой... Все времена вечно предостоят перед Богом. Быть может, в каком-то измерении Его многомерной вечности Он всегда видит, как мы обрываем крылья мухе, врте учителю, ябедничаем, грубите, распутничаем, трусите в бою. Быть может, спасение не в том, чтобы зачеркнуть, стереть все это, а в том, чтобы обрести совершенное смирение [Христа] – стать способным вечно нести свой позор!»¹

¹ Любокс К. С., «Страдания». Собрание сочинений в 8 томах, том 8. Москва: Фонд им. Александра Мена, 2000. – стр. 152.

Это вечное последствие греха приводит нас к следующему: человеку необходимо вечно покрытие грехов. Поскольку в глазах Бога наши грехи существовали всегда, искупление (расплата) также должно быть в вечности. Если Иисус был Тем, Кем называл Себя – Богом во плоти, – Его искупительная жертва на кресте также существует в вечности. Иными словами, поскольку в Иисусе сочетаются две природы, Его божественная природа существует в вечности и служит щитом, закрывающим нас от последствий греха перед Богом в вечности – в прошлом, настоящем и будущем. Потому в Библии сказано, что Иисус был «закалан от создания мира» (Отк. 13:8). Это значит, что с точки зрения Бога все зло и несправедливость были побеждены – в вечности. Однако мы живем во времени, поэтому нам еще предстоит увидеть конец, существо увидит победу Бога. Всякое существующее зло будет навеки свержено в ад, и все, кто окажется там, сделают этот выбор сознательно. Вот вам пример.

Предположим, однажды НАСА изобретет особую защитную капсулу, в которой астронавты смогут максимально приблизиться к Солнцу. Капсула позволит им исследовать природу Солнца, защищая от смертоносного жара и радиации. Предположим также, что путешественники в космосе достигли такого уровня, что обычному человеку представилась возможность присоединиться к астронавтам в качестве наблюдателя. Однажды этому человеку звонит из НАСА и говорят, что он выбран для путешествия на Солнце. Ему также рассказывают о специальной капсуле, которая защитит его от Солнца. Но из-за какого-то непонятного упрямства он отказывается войти в капсулу, и сотрудникам НАСА никак не удается его убедить. Однако лететь он намерен все равно. НАСА, конечно же,

не может позволить ему отправиться в путешествие, поскольку его природа и природа Солнца не могут существовать на столь близком расстоянии. Кроме того, НАСА отвечает за этого человека, ценит его жизнь и уважает его выбор, потому не может позволить ему лететь.

Точно так же и грешному человеку, чтобы иметь общение с Богом, нужна защита от той части Божьей природы, которая известна как гнев. Простыми словами, гнев – это реакция праведного Бога на сознательное нарушение Его законов. Как невозможно изменить природу Солнца, чтобы человек мог находиться близко к нему, так невозможно изменить и природу Бога. Но Бог хочет пребывать с нами в любви! Поэтому Он решил проблему нашей греховной природы, послав в мир Иисуса Христа. Бог покрывает наши грехи Своей праведностью, пролив кровь Сына Своего на кресте. Этой кровью истинный верующий навеки укрыт от гнева сатанного, всемогущего Бога. Все мы пребываем в сиянии Божьем. Но, как глина на солнце твердеет, а воск размягчается, так и сердца некоторых людей тают и смягчаются в истине и присутствии Божьем; другие же сердца затвердевают. Происходит это с теми, кто отвергает вечное искупление грехов, предлагаемое Богом по благодати.

Людям, отвергшим это искупление, нет места в Божьем присутствии. Бог уважает их выбор; Он не может навязывать им Свою любовь. Отвержение Бога остаются в вечном долгу перед Ним, и вынуждены сами расплачиваться за свои грехи. Они отвергают Божье прощение, поэтому навеки отлучаются от Бога. Мы должны помнить, что по-иному быть не может. Бог – это и праведный Судья, и любящий Отец; поэтому именно Он определяет нераскаившимся грешникам место в вечности.

ПОЧЕМУ КТО-ТО ОТПРАВЛЯЕТСЯ В АД?

Чтобы поставить точку в вопросе о грехе и взглянуть на него с практической точки зрения, обратимся снова к словам Клайва Льюиса:

«Представим себе человека, который изменой и жестокостью добился богатства и власти. Представим, что он неустанно использовал себе же во благо доброту своих жертв и смеялся над их простотой. Представим, что, войдя в силу, он предался распутству и ненависти, а в довершение отбросил те остатки чести, которые есть и у воров, и предал своих сообщников. Представим себе, наконец, что он при этом ничуть не сокрушается, а ест, как школьник, и спит, как младенец, твердо веря, что Бог и люди – дураки, которых он перехитрил, и только его жизнь успешна и праведна...

Представим себе, что он не хочет сдаваться. Что ж, по-вашему, должно ждать его в вечности? Неужели вы в действительности хотите, чтобы он, не меняясь (а ведь он может не измениться, у него свободная воля), думал, что последнее слово осталось за ним?..

Вам хочется, чтобы рано или поздно в страшной, мятежной душе встало знамя правды, даже если на том все и кончится. В определенном смысле ему лучше знать, что он прогадал... Мы хотели, чтобы Бог простил этого человека таким, как он есть, потому что мы не знаем разницы между словами «простить» и «попустить». Понускающий зло просто игнорирует его, как бы причисляет к добру, списывает со счета. Прощение же надо не только дать, но и *принять*; а тот, кто не видит за собой вины, не примет прощения.

В определенном смысле погибшие – победители: им удалось их мятеж; и я охотно верю, что врата ада закрыты *изнутри*... Всем, кто возражает против учения об аде, можно сказать: «Чего вы хотите от Бога? Чтобы Он стер все прежние грехи и дал возможность начать снова, устраняя все помехи и помогая благодатью? Он так и сделал на Голгофе. Чтобы Он простил? Не все хотят прощения. Чтобы Он оставил этих людей на собственный произвол? Боюсь, что это Он и делает».²

Однако мы должны ясно понимать, что *всякий идущий в ад сам выбирает этот путь*. Некоторые люди предпочитают вечность в адских муках вечности в прославлении Бога. Небеса – это место, где человек находит высший смысл, вечно слава Того, Кто достоин славы. Предвкушение этого можно найти уже здесь и сейчас, в этой жизни, приняв Иисуса Христа в сердце как Господа и Спасителя. Человек же, отвергающий в этой жизни Бога и Его истину, выбирающий существование без Него, может найти временный смысл в жизни нынешней, но вместе с этим приходит предвкушение ада. Окончательный же выбор сводится к следующему:

«Есть только два вида людей – те, кто говорит Богу: «Да будет воля Твоя», и те, кому Бог говорит: «Да будет твоя воля». Все, кто в аду, сами его выбрали. Ни одна душа, упорно и честно жаждущая радости, туда не попадет. Алчущие насытятся. Стучите и откроют вам».³

Приложение ВОПРОСЫ ЭТИКИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПЕРВОПРИНЦИПОВ

Бог, давший нам жизнь, даровал нам и свободу. Может ли народ жить спокойно, если мы откажемся от убеждения, что свобода – дар Божий? Я трепещу в страхе за свою страну, когда думаю о том, что Бог праведен, и что его праведный суд рано или поздно свершится.

– Томас Джефферсон

Прежде чем искать ответы на некоторые этические вопросы, необходимо обозначить контекст этого поиска. Мы убедились, что в свете основных принципов различных дисциплин библейской теизм – единственно достоверное мировоззрение. Мы пришли к выводу, что существует бесконечно могущественная, вечная и разумная Первопричина (Бог). Более того, мы выяснили, что Бог этот – Бог личностный, любящий, праведный и милостивый, и что обо всех этих Его атрибутах можно узнать только из Библии. Мы доказали, что ценность человеческой жизни определена Богом, и что именно на этом основаны права человека. Все это логически вытекает из веры в Творца и сотворение, и мы напомним нашим читателям, что эта вера представлена в основополагающих документах США – в частности, в Декларации независимости – как самоочевидная истина.

Признав истинность существования Бога-Творца, заложившего основы прав человека и ценности человеческой жизни, мы должны рассматривать все остальные этические вопросы на фоне этой истины. Под этим мы под-

² Льюис К. С., «Страдания». Собрание сочинений в 8 томах, том 8. Москва: Фонд им. Александра Меня, 2000, стр.185–187, 190 (курсив наш).

³ Льюис К. С., «Расторжение брака». Собрание сочинений в 8 томах, том 8. Москва: Фонд им. Александра Меня, 2000. – стр. 238.

разумеваем, что если есть Бог, даровавший человеку жизнь и наделивший его ценностью, никто не вправе обесценивать эту жизнь и лишать человека его неотъемлемых прав, в первую очередь – права на саму жизнь.¹

ОБ АБОРТАХ

В пользу абортс чаще всего приводятся следующие доводы:

1. Женщина имеет право распоряжаться собственным телом.
2. В некоторых случаях аборт необходим для «сохранения физического и психического здоровья» женщины, в том числе женщины, забеременевшей в результате изнасилования.
3. Ребенок, появившийся в результате нежелательной беременности, может подвергнуться пренебрежительному и жестокому обращению.
4. Мы должны защитить женщин, чьи жизни могут оказаться под угрозой, если они обратятся к подпольным ескулапам, делающим аборт «жравыми ножами в темных переулках».
5. Вопрос об абортах – в конечном итоге вопрос медицинский.

Эти аргументы выглядят вполне разумными и даже убедительными. Однако все они исходят из одного основного допущения – того самого, на котором было основано пресловутое решение Верховного Суда по делу «Роу против Уэйда». Допущение это заключается в том, что ребенок в утробе матери – еще не человек, а лишь потенциальный человек. Если считать еще не родившегося ребенка не личностью, а просто тканью или неким лишним отростком, то доводы в пользу абортс звучат резонно. Если же не рожденный ребенок – человек, то все эти и им подобные аргументы апеллируют лишь к эмоциям и не имеют под собой никакой моральной основы.

Например, кто возьмется доказывать – на тех же основаниях, к которым прибегают сторонники абортс, – что Гитлер имел право убивать евреев, потому что они были неполноценными или нежелательными людьми? Или какой сторонник абортс стал бы настаивать, что, поскольку евреев все равно убивают «жравыми ножами в темных переулках», надо издать закон, чтоб их убивали стерильными инструментами? Разумеется, ни один здравомыслящий сторонник абортс не скажет, что мать знаменитой певицы Этел Уотерс имеет нравственное право убить свою дочь спустя много лет после ее рождения, поскольку мать все еще мучают воспоминания об изнасиловании, в результате которого была зачата Этел. Но почему же сторонники абортс признают, что убийства по подобным причинам недопустимы, и в то же время оправ-

дывают абортс, производимые по тем же причинам? Тому есть логическое объяснение: для них не рожденный ребенок – это еще не человек. Поэтому и считается, что запрет на убийство в данном случае неприменим.

С другой стороны, даже в решении по делу «Роу против Уэйда» было признано, что если зародыш – личность, то решение суда должно быть иным, ибо в таком случае право эмбриона на жизнь гарантируется Четырнадцатой поправкой. В конечном счете, решения требует один-единственный вопрос, который не относится ни к правовой, ни к медицинской области. Это вопрос моральный. Формулируется он так: «Можно ли считать еще не родившегося ребенка человеком?» Если да, то в решении по делу «Роу против Уэйда» было узаконено убийство. В таком случае считать аборт преимущественно медицинским вопросом столь же нелепо, как считать высшую меру наказания на электрическом стуле преимущественно вопросом электронной техники. Если речь идет о человеческой жизни, то намеренное ее прерывание – будь то высшая мера наказания или аборт – вопрос нравственный.

Если ребенок в утробе матери – это человек, то в нашей стране совершается массовый геноцид. Ежегодно в Америке гибнет в результате абортс примерно полтора миллиона еще не рожденных детей – около 4000 человек в день, один ребенок в двадцать секунд. Сталин убил по меньшей мере восемнадцать миллионов человек, Гитлер – около двенадцати миллионов. Начиная с 1973 года, наш народ уничтожил более сорока миллионов нерожденных детей – больше, чем Сталин и Гитлер вместе взятые! Проблема абортс вызывает множество сложных вопросов; мы рассмотрим только два из них, имеющие первостепенную важность и касающиеся прав человека.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ЭМБРИОН: ЧЕЛОВЕК ОН ИЛИ НЕТ?

Генетика доказала, что жизнь человека начинается в момент зачатия. Все генетические характеристики полностью развитого и уникального человеческого организма в действительности, а не потенциально присутствуют в нем с момента зачатия. Потому гинекологи рассматривают зародыш как «второго пациента». В феврале 1991 года в научном журнале «Discover» даже появилась статья, заглавие которой было вынесено на обложку: «Операция до рождения: проблемы медицины для самых маленьких пациентов».² Поскольку вряд ли можно обвинить журналистов «Discover» в неправильном использовании простейших терминов, то слово «patient» предполагает не только человеческую жизнь, но и решимость врача нести ответственность за эту жизнь. Словарь Вебстера так определяет слово «patient»: «Человек, проходящий лечение, по отношению к врачу».³

¹ Pat Ohlender-Moffat, "Surgery Before Birth," *Discover*, vol. 12, no. 2, February 1991, 58-65 (курсив наш).

² David B. Guralnik, ed., *Webster's New World Dictionary: Second College Edition* (New York: Simon and Schuster, 1980), 1041 (курсив наш).

³ Более подробный богословский и философский анализ этой этической проблемы см.: Norman L. Geisler, *Christian Ethics: Options and Issues* (Grand Rapids, Mich.: Baker, 1989). См. так: Norman L. Geisler and Frank S. Turek III, *Legislating Morality: Is It Wise? Is It Legal? Is It Possible?* (Minneapolis: Bethany House, 1998).

Несколько лет назад Национальный институт здравоохранения (НИЗ) назначил специальную комиссию, чтобы добиться выделения федеральных фондов на искусственное зачатие человеческих эмбрионов в лабораториях. Вот что пишет журнал "Wall Street Journal"¹ о задачах комиссии:

«Комиссия из 19 специалистов, назначенная Национальным институтом здравоохранения (НИЗ), предложила выделить федеральные средства на проект создания человеческих эмбрионов в лаборатории с целью использования их в экспериментах, в результате которых эмбрионы погибнут... Создание, использование и уничтожение человеческих эмбрионов неразрывно связано с проблемой аборт... НИЗ с готовностью признает, что мы знаем, когда начинается человеческая жизнь. Наука дает однозначный ответ: жизнь начинается в момент зачатия. Эмбрион с самого начала, говорят нам, «должен рассматриваться с точки зрения морали»... Ученые признают, что уже на самых ранних стадиях развития эмбрион имеет все основания считаться человеком».⁴

С биологической точки зрения, жизнь – это непрерывный поток; он никогда не прекращается и не начинается вдруг снова. Человеческая жизнь бесперерывно передается от родителей к потомкам посредством зачатия. Сперматозоид, соединяясь с яйцеклеткой, образует отдельную зиготу; нового человека.

Так что на вопрос, когда начинается человеческая жизнь, ответ уже дан. Есть сорок шесть хромосом⁵ – есть и человеческая жизнь: новый человек с новым генетическим кодом. Это уже не код матери и не код отца. Даже исходя из соображений одной только генетики, мы обязаны признать зародыш тем, кем он и является, – человеком.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ЭМБРИОН: ЛИЧНОСТЬ ОН ИЛИ НЕТ?

Любое ли человеческое существо можно считать личностью? Это также был один из основных вопросов, стоявших перед комиссией НИЗ. Комиссия признала, что зародыш – это человек; далее обсуждался вопрос, можно ли считать этого человека личностью. "Wall Street Journal"⁶ сообщает:

«Комиссия НИЗ пришла к выводу, что к этому вопросу следует подходить со всей серьезностью и ответственностью, поскольку речь идет о человеческой жизни. В связи с этим перед ней встала

сложная задача: объяснить, почему у нас есть моральное право производить жизнь, чтобы использовать ее в экспериментах, ведущих к уничтожению этой жизни... Этот проект заставляет задуматься о вопросах исключительной важности, которые выходят за рамки естественных наук. Это вопросы этические и философские. В центре доводов комиссии лежит концепция «личности». Вопрос «Когда начинается человеческая жизнь?» уступает место вопросу «Когда человек становится личностью?». Согласно такой формулировке, личность «подлежит защите». Тот, кто не сочтен личностью, «защита не подлежит»... Но каким же образом мы решаем, кого можно назвать личностью, а кого – нет?»⁶

Кто имеет право разделять людей на личности и не-личности, и на каком основании? Если личность определяется генетической чистотой, нам придется довести эту идею до логического завершения и отказать в праве называться личностью всем, кто страдает генетическими заболеваниями – такими, как синдром Дауна, серповидноклеточная анемия и другие. Если личность определяется возрастом (числом прожитых месяцев), почему бы не исключить из числа личностей и другие категории людей – например, престарелых? Если личность определяется размерами тела, почему не вычеркнуть из общества карликов или, наоборот, баскетболистов? Если понятие личности зависит от местоположения (в утробе или вне ее), почему не подвергнуть дискриминации, например, тех, кто живет в подвалах?

Если мы не признаем, что личность – это дар нашего Творца, дающий вместе с жизнью, то нам придется определять, кто же вправе называться личностью, а кто этого права лишен. Именно этим и занимаются институты, подобные НИЗ. Они заявляют:

«С точки зрения комиссии, личность – это социальный статус, приспиаемый теми, кто уже его имеет. Мы решаем, кто будет, а кто нет, включен в это число и тем самым получит право на уважение и защиту... В защиту этой точки зрения комиссия приводит статью профессора Роберта Грина из Дартмута... В статье утверждает, что изначально человеку не присущи качества, обязывающие других уважать его как личность... Личность – это исключительно «социальное понятие». Мы «сами принимаем решение» отказать в праве называться личностью тому, кто слишком мал или слишком стар, кто умственно отстал или смертельно болен, кто не приносит обществу пользы или приносит слишком много вреда».⁷

Однако вопрос определения личности – это вопрос «или – или». Либо человек становится личностью в момент зачатия – в тот самый момент, ког-

¹ Richard John Neuhaus, "Don't Cross This Threshold," The Wall Street Journal, October 27, 1994, A-20 (курсив наш).

² Это не значит, что те, кто имеет сорок пять или сорок семь хромосом, не считаются людьми. Разумеется, они люди, равно как и те, кто имеет четыре или шесть пальцев, – просто это люди с уникальным дефектом.

⁴ В цит. соч. (курсив наш).

⁷ Там же (курсив наш).

да становится человеком, – либо он становится личностью в какой-то иной момент, и тому есть другая причина, помимо присущей ему человеческой природы. Давайте рассмотрим обе возможности и посмотрим, к чему приведет присвоение человеку статуса личности по какой-либо другой причине, кроме того, что он – человек. В следующей цитате отражена попытка анализа обоих вариантов и их последствий.⁸

«Во-первых, все рассуждения о человеке и личности в правовом контексте не имеют смысла. Государство защищает, например, птенцов орла и акционерные общества. Верховный Суд США единогласно объявил акционерные общества юридическими лицами, согласно Четырнадцатой поправке (дело «Санта-Клара против Санфорда», 1886). Даже если зародыши – это лишь потенциальные личности, нет никаких оснований лишать их права на защиту. Напротив, есть все основания их защищать, поскольку только рождение дает им возможность стать взрослыми личностями.

Во-вторых, различие между человеком и личностью условно. Мы не имеем существенных оснований полагать человека неличностью; основания эти могут быть лишь функциональными. А функциональные различия – это чистой воды дискриминация на основании способностей, а не различия ввиду истинной природы человека.

В-третьих, проводя различия между человеком и личностью на основании выполняемых им функций, можно оправдать и убийство детей и взрослых, утративших способность к полноценному функционированию. Человек, получивший травму мозга или потерявший сознание, остается личностью, даже временно находясь в состоянии комы. Люди в состоянии сна или в бессознательном состоянии все равно остаются личностями, хотя и не функционируют как таковые.

В-четвертых, определяя личность на основании функции, мы путаем функцию с сущностью. Функция – результат сущности, а не наоборот. Между человеком и личностью нет существенных различий, кроме функциональных. Например, все знают, что человек возрастом в один день обладает меньшими способностями, чем однодневный теленок. Однако ни у кого не возникает сомнений, что ценность человека выше.

В-пятых, поскольку мы до сих пор не пришли к единому мнению о том, с какого момента человека можно считать личностью, [а] решение по делу Роу определяет этот момент как рождение, всякого рода жестокость получает оправдание. К примеру, существует мнение, что человек становится личностью, когда осознает себя

таковой, а происходит это только на втором году жизни. Если этот взгляд будет признан верным, то можно будет оправдать убийство любого ребенка, не достигшего двухлетнего возраста».

Вот лишь некоторые из причин, по которым невозможна дискриминация между человеком и личностью на основании функциональных различий. А поскольку существенных, принципиальных различий между человеком и личностью провести невозможно, логичен вывод: все люди – личности и находятся под защитой Четырнадцатой поправки. В конце концов, мы выбираем в законодатели тех, кого считаем разумнейшими людьми страны. В связи с этим возникает вопрос: «Какое же решение будет наиболее разумным?» Если мы не можем договориться о том, тождественны ли личность и человек, разве не разумно принимать законы, защищающие всякую человеческую жизнь? А где еще человеческая жизнь может быть столь свята, защищена и укрыта любовью, как не во чреве матери? Разумно ли отнимать человеческую жизнь на основании собственного неведения? Питер Крифт иллюстрирует это в вымышленном диалоге, происходящем якобы в современных Афинах между Сократом и неким Ирродом – врачом, который делает аборт.

«Иррод: Они [противники аборт] утверждают, что знают то, чего на самом деле не знают: будто бы зародыш – это личность с момента зачатия.

Сократ: Но ты-то не утверждаешь, что наверняка знаешь обратное?

Иррод: Не утверждаю. В этом мое преимущество и проявление здравого ума. Я-то не говорю, что знаю то, чего не знаю. А они говорят. Они догматики. Теологи, философы и ученые годами спорят об этом, но так и не пришли к согласию. Это чистойшей воды догматизм – утверждать что-то с уверенностью по столь спорному вопросу... Мы просто не знаем, когда зародыш становится личностью. Всякий, претендующий на такое знание, – глупец, поскольку считает, что знает то, чего не знает.

Сократ: Значит, ты не знаешь, этот зародыш – человек или нет. Верно?

Иррод: Верно.

Сократ: И, стало быть, твоя работа – убивать зародышей, верно?

Иррод: Сократ, я не перестаю ужасаться твоим выражением. Я прерываю нежелательные беременности.

Сократ: Убивая зародышей? Или какими-то другими способами?

Иррод (вздыхая): Убивая зародышей.

Сократ: И ты не знаешь, личности они или нет?

Иррод: Ну...

Сократ: Минуто назад ты сказал, что не знаешь, личность зародыш или нет. А теперь уже знаешь?

⁸ Cf. *Matters of Life and Death* by Francis J. Beckwith and Norman L. Geisler (Grand Rapids, Mich.: Baker, 1991), 84–86.

Иррод: Нет.

Сократ: Стало быть, ты не знаешь, личности они или нет, но все-таки убиваешь их?

Иррод: Если ты настаиваешь на этом выражении.

Сократ: А что бы ты сказал об охотнике, который, заметив какое-то движение в кустах, стреляет туда, не зная, олень ли там или его друг-охотник? Счел ли бы ты его разумным?

Иррод: Ты называешь меня убийцей?

Сократ: Я просто задаю вопросы. По одному. Повторить вопрос? Иррод: Не надо.

Сократ: Тогда ответ на него, пожалуйста.

Иррод (со вздохом): Хорошо. Этот охотник – глупец, Сократ.

Сократ: А почему он глупец?

Иррод: Ты уймешься когда-нибудь?

Сократ: Не уймусь. Ты называешь его глупцом, потому что он считает, будто знает то, чего на самом деле не знает, – в частности, кто скрывается в кустах, олень или человек?

Иррод: Пожалуй, да.

Сократ: Или, предположим, какая-то компания собирается уничтожать вредителей в здании и намерена применить для этого очень токсичное химическое вещество. Ты отвечаешь за эвакуацию. Если ты не уверен, что в здании не осталось людей, но все равно отдаешь распоряжение начинать дезинфекцию, разумно это или глупо?

Иррод: Глупо, конечно же.

Сократ: А почему? Не потому ли, что твой поступок был бы основан не на знании, а лишь на предположении?

Иррод: Да, поэтому.

Сократ: Теперь вернемся к тебе, врачу. Ты убиваешь зародышей – неважно, каким способом. С тем же успехом это мог бы быть и яд, и пистолет. И при этом ты говоришь, что не знаешь, люди они или нет. Не значит ли это, что ты действуешь так, как будто знаешь то, что чего, по твоему же признанию, не знаешь? Разве это не верх глупости?

Иррод: Полагаю, ты хочешь, чтобы я смиренно произнес: «Верно, Сократ. Как скажешь, Сократ?»

Сократ: Ты можешь опровергнуть мои доводы?

Иррод: Нет.

Сократ: Вот именно. Они поглотили тебя, как акула, так же неминуемо, как и ты поглощаешь зародышей.⁹

Крифт, устами Сократа, ведет к тому, что разум, мудрость и здравый смысл побуждают нас относиться к ребенку но через матери как к личности. Мы

уже представили логические обоснования веры в то, что ценность каждого человека изначально заложена Богом, и права человека не зависят ни от каких людских постановлений, ни от каких властей или комиссий (см. главы 9 и 10). Мы считаем, что эти обоснования достаточно вески, и что они полностью согласуются со следующими основными положениями Декларации независимости:

«Мы считаем самоочевидными истины: что все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, к числу которых относится право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью; что для обеспечения этих прав люди создают правительства».

Эти три основополагающие истины – краеугольный камень нашего национального наследия. На них опирается наша государственная система. Из этих «самоочевидных истин» вытекает, что правительства учреждаются для защиты прав, данных человеку Творцом. Это право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью. Сторонники абортов отказывают человеку в его неотъемлемых правах. Мы радуемся свободе в нашей стране, но давайте не будем забывать цену этой свободы. Вспомним статью, которую мы уже цитировали:

«Интересно и в каком-то смысле утешительно, что, по мнению самых выдающихся специалистов по этике, у нас есть все необходимые составляющие нравственного консенсуса – они заложены в Конституции и Декларации независимости. К этому они добавляют естественные права Локка и кальвинское высшее право. «Все это уже есть, все записано, – говорит Хантингтон Террелл, философ из Университета Колгейта. – Нам не нужно переубеждать и обращать. В этом у нас расхождений нет». Террелл призывает «вернуться к основам», когда жизнь людей соответствовала их словам и основополагающим принципам нашей страны».¹⁰

В мире, где мы живем, многие страны не разделяют эти принципы. В основании этих государств лежат атеистические и (или) материалистические конституции. Кроме того, они устанавливают собственные критерии, по которым определяются конституционные права человека. Так что люди, не согласные с «самоочевидными истинами», установленными отцами-основателями, должны покинуть эту страну и поселиться там, где конституция соответствует их мировоззрению. В странах, где «личность – это исключительно социальное понятие», где отказывают в праве называться личностью «тому, кто слишком мал или слишком стар, кто умственно отстал или смертельно болен, кто не приносит обществу пользы или приносит слишком много вреда».¹¹

⁹ Peter Kreeft, *The Unaborted Socrates* (Downers Grove, Ill.: InterVarsity, 1983), 69–72.

¹⁰ Ezra Bowen, "Looking to Its Roots," *Time*, May 25, 1987, 29 (курсив наш).

¹¹ Neuhaus, "Don't Cross This Threshold," A-20 (курсив наш).

Мы же повторим слова Авраама Линкольна: «В Декларации было нечто несущее свободу, и не только людям этой страны. В ней была надежда для всего мира. Надежда, что настанет время, когда с плеч всех людей будет снято бремя, и у всех будут равные возможности».¹²

Неужели история так и не научила нас, что происходит, когда власть предрешает сами решают, кто имеет право называться личностью, а кто – нет? Неужели мы ничего не вынесли из таких трагедий, как период рабства, когда чернокожим было законодательно отказано в праве на звание человека? Не хватило ли нам примера нацистской Германии, где людьми не признавали евреев и другие национальные меньшинства? Не пора нам наконец понять, сколь опасны предпосылки, на которые опираются институты, подобные НИЗ? За пренебрежение к урокам истории приходится платить слишком дорого. «Положение людей, не знающих прошлого, незанудно, поскольку они не знают и настоящего. История – как холм или выгодная стратегическая возвышенность: только с нее человек может увидеть город или век, в котором живет».¹³ Как мудро заметил поэт: «Люди, не помнящие прошлого, обречены на его повторение».¹⁴

ОБ ЭВТАНАЗИИ

Вполне закономерно, что проблемы абортов, детоубийства и эвтаназии неразрывно связаны между собой. Всякий довод, касающийся абортов, верен и в отношении детоубийства и эвтаназии. Например, некоторые дети рождаются с генетическими пороками, таким, как синдром Тернера (сорок пять хромосом) или синдром Дауна (сорок семь хромосом). «Дело Младенца Доу» в Индиане (апрель 1982 г.) – пример того, как закон позволил заморить голодом новорожденного ребенка с генетическим недостатком, даже когда другая супружеская пара хотела усыновить его. Нобелевский лауреат доктор Джеймс Уотсон утверждал, что новорожденного не следует считать человеком, пока он не пройдет определенный генетический тест: «Если мы не называем ребенка живым, пока он не достиг трехдневного возраста, у родителей остается выбор... позволить ребенку умереть... и избавить его от множества несчастий и страданий».¹⁵

Аборты и убийство младенцев – это одна сторона человеческой жизни, ее начало. На другой стороне – эвтаназия. *Мы сейчас говорим об эвтаназии*

¹² Adler, *Have Without Have-Not*, 219–20.

¹³ G. K. Chesterton (1874 – 1936), *All I Survey, "On St. George Revivified"* (1933) *The Columbia Dictionary of Quotations* is licensed from Columbia University Press, a 1993 by Columbia University Press.

¹⁴ Джордж Сантьяна (1863 – 1952), американский поэт и философ. *Life of Reason, "Reason in Common Sense"*, chap. 12 (1905–6). Уильям Л. Ширер (William L. Shirer) использовал эту цитату в качестве эпиграфа к книге «Расцвет и упадок Третьего рейха» (*The Rise and Fall of the Third Reich*, 1959). *The Columbia Dictionary of Quotations* is licensed from Columbia University Press, a 1993 by Columbia University Press.

¹⁵ J. C. Wilke and Barbara Wilke, *Abortion: Questions of Quotations and Answers* (Cincinnati: Hayes, 1985), 204.

не как о возможности для человека умереть достойно и не как об удалении искусственных средств, продлевающих умирание. Мы говорим об эвтаназии как о готовности некоторых людей убить, прямо или опосредованно, человека, который при должном медицинском уходе еще мог бы жить. Откровенно говоря, это убийство человека на том основании, что лучше бы его не было. Обычно оно замаскировано такими эвфемизмами, как «право на смерть» или «убийство из милосердия».

Слово «эвтаназия» пришло к нам из греческого языка: «эу» – «хороший» и «танатос» – «смерть», т. е. «благая смерть». Сейчас это слово означает акт прерывания жизни человека по его же просьбе, чтобы избавить его от страданий. Есть две основные формы эвтаназии: (1) *активная эвтаназия* – умерщвление человека прямым воздействием, и (2) *пассивная эвтаназия* – приближение смерти путем удаления вспомогательного оборудования (например, аппарата для поддержки искусственного питания), отмены медицинских процедур и т. д., или же прекращения питания, в результате чего человек умирает от обезвоживания и голода.

Эвтаназия в некоторой степени ассоциируется с термином «самоубийство с посторонней помощью». Это выражение обычно обозначает ситуацию, когда человеку передается информация и/или средства для самоубийства (например, таблетки или угарный газ), и он прерывает свою жизнь без дальнейшей помощи. Сейчас все шире используется термин «добровольная пассивная эвтаназия» (ДПЭ). Один гласитель предложил назвать это «*кеворкацией*»¹⁶ – производное от имени доктора Джека Кеворкна, врача из Минчигана, который способствовал распространению ДПЭ и помог умереть десяткам пациентов.

Мы считаем, что эвтаназия совершенно неприемлема по следующим причинам:

1. Она противоречит правилам этики.
2. Она противоречит конституции.
3. Ею легко злоупотребить.
4. Она подрывает систему здравоохранения.
5. Она полностью игнорирует несовершенство медицинских прогнозов.

Эвтаназия противоречит правилам этики. Врачи с древности дают «Клятву Гипократа», современная редакция которой гласит:

«...здоровье моего пациента будет основой моей заботой... я всеми средствами, которые в моей власти, буду поддерживать честь и благородные традиции профессии врача... я буду придерживаться глубочайшего уважения к человеческой жизни, начиная с мо-

¹⁶ Martin Levin, "Verdicts on Verdicts About Euseful Death," *The Globe and Mail*, Toronto, August 10, 1996, D-5.

мента зачатия; даже под угрозой я не буду использовать свои знания против законов человечности...». Не к чести медиков будет сказано, что те, кто дал обет защищать жизнь, уничтожают ее.

К сожалению, «процветает подпольная практика» введения смертельных инъекций. В 1997 году Верховный Суд США заслушивал прошения адвокатов врачей и неизлечимо больных пациентов о том, чтобы предоставить врачам конституционное право помогать пациентам при самоубийстве. «*Wall Street Journal*» сообщает:

«У нас процветает подпольная практика ускорения смерти неизлечимо больных», – заявил один из адвокатов, выступающих за принятие нового конституционного права. Судья Рuffy Бейдер Гинсбург спросила главного прокурора, Уолтера Деллингера, выступавшего против, не означает ли это, что весь судебный процесс – «сплошная фикция, поскольку «самоубийство с помощью врача» доступно всякому, кто только знает о его существовании». «Мы искали, но ничего не нашли, – ответил Деллингер. – У нас нет доказательство». Однако Министерство юстиции искало не слишком старательно. Такая «подпольная практика» существовала всегда. В 1998 году в журнале Американской медицинской ассоциации появилась сенсационная статья анонимного автора «Все конечно, Дебби». Врач-практикант рассказывал, как ввел смертельную инъекцию молодой женщине, умиравшей от рака яичника. Он никогда не встречал пациентку до того дня, когда вошел в ее палату».¹⁷

Не будем забывать, что «массовые программы по эвтаназии, проводившиеся нацистской Германией, вовлекли в стовор целое поколение немецких врачей. Эти врачи вставали в ряды нарушителей простого принципа, который подчеркивается клятвой Гиппократа: «воздерживаться от причинения всякого вреда и несправедливости»».¹⁸

Эвтаназия противоречит конституции. Пятая и Четырнадцатая поправки, а также Декларация независимости гарантируют право человека на жизнь. Однако нет такого конституционного права, которое гарантировало бы право отнимать жизнь, даже если это жизнь самого отнимающего ее человека.

Эвтаназией легко злоупотребить. Как отмечается в статье выше, практикой эвтаназии уже злоупотребляют, а ее легализация полечет за собой еще больший вред для человека и общества. Возможность эвтаназии для взрослых и дееспособных, но неизлечимо больных людей со временем распространится и на недееспособных. В конечном счете, добровольная эвтаназия уступит место принудительной.

Эвтаназия подрывает систему здравоохранения. Легализация эвтаназии разрушит веру пациентов в то, что врачи сделают все возможное для избавления их от страданий, а не от жизни. Как может пациент быть уверен в намерениях врача – особенно в тех случаях, когда он становится обузой для государства в финансовом отношении, – если он знает, что государство узаконило смерть «посредством введения смертельной инъекции»?

Эвтаназия полностью игнорирует несовершенство медицинских прогнозов. Диагноз «неизлечимо болен» нередко оказывается неверным. Нестя числа пациентам, которые считались «обезнадеженными», но живы по сей день. Многие люди выздоравливали после длительной комы, различных «неизлечимых» недугов и даже прекращения деятельности коры головного мозга. Принимая в расчет необратимость эвтаназии, мы должны исходить, в первую очередь, из возможности выздоровления пациента и всячески способствовать его выживанию, а не смерти.

26 июля 1997 года Верховный Суд США постановил, что средний американец не имеет конституционного права на «самоубийство с посторонней помощью». Решение было принято единогласно, девятью голосами – поразительное единодушие. При этом Суд признал, что в конституции нет статей, которые препятствовали бы принятию закона о легализации эвтаназии. В штате Орегон так и произошло. Стало быть, теперь каждому из штатов придется выдержать бой.

Некоторые суды обсуждали теорию двойного эффекта. Это ситуация, когда врач прописывает определенную дозу морфия или другого болеутоляющего средства, зная, что оно укорачивает жизнь пациента. Судьи признали это приемлемым. Однако некоторые выразили беспокойство по поводу принятия любых законов, позволяющих самоубийство с посторонней помощью, так как в отсутствие эффективных методов контроля такие законы могут привести к злоупотреблениям.

Мы считаем, что судьи, выражающие обеспокоенность по поводу возможных злоупотреблений, правы. На ум приходит пугающая параллель с фашистской Германией, где процветали медицинские зверства, и человеческая жизнь ни во что не ставилась. Отсюда вновь вытекает вопрос – один из главных вопросов, на которые нам предстоит ответить: «Кто имеет право определять, имеет ли человек (личность) право на жизнь?» И мы вновь возвращаемся все к тому же ответу: права человека определяются не властями и не отдельными людьми – они даны Самим Творцом.

Вера в то, что *ценность человеческой жизни заповедана Богом*, позволяет дать однозначные ответы на вопросы об абортх, детоубийстве и эвтаназии. Однако наша страна в практических целях отлучила Бога от правительства и учебных заведений. Своим примером мы показали детям, что можно обойтись и без Бога; практикуя аборт и эвтаназия, мы показали им, что цена человеческой жизни невелика. Судя по опросам, американские

¹⁷ Eugene H. Methvin, "A Compassionate Killing," *The Wall Street Journal*, January 20, 1997, A – 14.

¹⁸ Lois Wingerson, *Unnatural Selection: The Promise and the Power of Human Gene Research* (New York: Bantam, 1998), 170.

дети больше всего боятся стать жертвами жестокости в школе. Мы должны понять, что для молодежи не важно, что мы говорим на занятиях и лекциях; она перенимает то, что видит. Молодые американцы узнают о ценности жизни из нашего поведения, а не из наших безответственных речей. Гай Дауд, получивший в 1986 году звание «Учитель года», написал:

*«Мне бы лучше увидеть проповедь, чем слушать ее каждый день.
Лучше б ты пошел со мной, чем указывать путь.
Глаз – более благодарный ученик, чем ухо.
Трудно принять хороший совет, а вот пример нагляден».*¹⁹

О МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Среди этических вопросов, связанных с медико-биологическими исследованиями, – выращивание органов, использование органов-трансплантатов, исследование зародышевых тканей, репродуктивные технологии, криомедицина и генетические исследования. Исходя из тематики этой книги, мы рассмотрим только один вопрос, вызывающий наиболее ожесточенные споры, а именно – вопрос геной инженерии. Эта тема непосредственно связана с темой клонирования людей, поэтому мы будем рассматривать их вместе. Для начала мы просто приведем некоторые исторические факты, указывающие на то, что евгеника была одной из главных (если не самой главной) целей нацистской Германии. Кроме того, мы хотим, чтобы вы поняли, на какую скользкую почву ступает наше общество. Мы покажем, что евгеника как наука неотделима от ложной веры в эволюцию²⁰ и от предположения, что перед человечеством якобы стоит цель создания генетически чистой, или высшей, расы.

Евгеники (от греч. *εὐγενής* – «высокое происхождение») дают следующее определение: «Отрасль науки, занимающаяся исследованием человеческой наследственности и направленной на «улучшение» генетического качества человечества».²¹ Лоис Уингерсон, рассказывая о возникновении организаций, которые принесли знамя евгеники в Америку, справедливо проводит параллель между евгеникой и теорией макроэволюции. Она пишет:

«Термин евгеника был введен в 1883 году английским математиком Фрэнсисом Гальтоном, двоюродным братом Чарльза Дарвина. Он определил ее как науку, занимающуюся улучшением человечества – в том смысле, что у «наиболее приспособленных» должно быть больше шансов произвести потомство, чем у «менее приспособленных». Ученые, занимавшиеся евгеникой, провозгласили своей целью ускорение эволюции человечества... «Библи-

ей» популярного евгенического движения была книга «Уход великой расы» (*“The Passing of the Great Race”*), опубликованная в 1916 г. «Законы природы требуют уничтожения неприспособленных, – пишет автор книги, Мэдисон Грант, – и человеческая жизнь имеет ценность лишь тогда, когда приносит пользу обществу или расе»...

В программном заявлении Американской лиги контроля над рождаемостью выражено сожаление по поводу того, что «число наименее приспособленных для продолжения рода возрастает все быстрее», а «средства, необходимые для повышения уровня нашей цивилизации, тратятся на поддержку тех, кто вообще не должен был родиться».²²

Маргарет Сэнгер, учредительница общества «Планирование семьи», выразила в свое время еще откровеннее: «Большая семья окажет милость новорожденному, если убьет его».²³

В конце XIX века, когда по всему миру были созданы общества сторонников евгеники, популяризовавшие генетику, в употребление вошли такие клише, как «выживание сильнейшего» и «борьба за существование». Иммиграционный закон США 1924 года благоприятствовал иммигрантам из Северной Европы, но строго ограничивал въезд «биологически низших» лиц из других регионов. С 1907 по 1937 год тридцать два штата практиковали стерилизацию «нежелательных» граждан: душевнобольных, инвалидов, людей, совершивших сексуальные преступления, наркоманов, алкоголиков и прочих «выродков».

К 1920 году идеи евгеники захлестнули и Германию. В различных немецких учебных программах пропагандировались идеи наследственности и расовой чистоты. В 1927 году был основан Институт антропологии, человеческой наследственности и евгеники им. Кайзера Вильгельма. К 1933 году, согласно закону о стерилизации, названному «Евгеника на службе общественного блага», стерилизация была обязательна «для предотвращения появления потомства с наследственными дефектами» в случаях врожденных умственных дефектов, шизофрении, маниакально-депрессивных психозов, наследственной эпилепсии и алкоголизма.²⁴

¹⁹ Lois Wingeron, *Unnatural Selection: The Promise and the Power of Human Gene Research* (New York: Bantam, 1998), 136, 138–39 (курсив наш).

²⁰ Цит. по: Francis J. Beckwith, *Politically Correct Death: Answering the Arguments for Abortion Rights* (Grand Rapids: Baker, 1993), 174 (курсив автора). Изначально приведено в: *Woman and the New Race* (New York: Brentano's, 1920), 63.

²¹ Более подробную информацию об истории евгеники и проекте расшифровки генома человека и об их состоянии в настоящее время вы можете найти на веб-сайте «Стрля евгеники»: <http://dineb.georgetown.edu/nrc/bt/evgenopolis>. Проект расшифровки генома человека, рассчитанный на тринадцать лет, координируется Министерством энергетики США и Национальным институтом здравоохранения. Изначально проект был рассчитан на пятнадцать лет, но быстрое развитие технологий позволило перенести дату завершения на 2003 г. Цель проекта – расшифровать все гены ДНК человека (примерно 100 000), определить последовательности трех миллиардов ее химических оснований, внести эту информацию в базу данных и разработать методы ее анализа.

¹⁹ Guy R. Doud, *Molder of Dreams* (Colorado Springs: Focus on the Family, 1990), 83.

²⁰ См. главу 7.

²¹ Microsoft аEncarta а 97 Encyclopedia. 1993 – 1996 Microsoft Corporation. All rights reserved.

В итоге это привело к самому мрачному периоду в истории евгеники – геноциду, когда фашистская Германия принялась «решать еврейский вопрос». Нацистская программа «очистления» нации началась с принудительной стерилизации и закончилась массовым уничтожением. Принцип «выживания сильнейших» был вбит в умы нацистов наряду с культом Адольфа Гитлера и «борьбой» за сохранение терпящей силы Германии. «Борьба за жизнь» стала темой книги Гитлера «Майн Кампф» («Моя борьба»). В 1924 году, всего через 65 лет после выхода в свет «Происхождения видов», Гитлер писал:

«Более сильный должен властвовать над более слабым, а вовсе не спариваться с более слабым и жертвовать таким образом собственной силой. Только слабые могут находить в этом нечто ужасное. На то они именно и слабые и ограниченные люди. Если бы в нашей жизни господствовал именно этот закон, то это означало бы, что более высокое развитые органических существ становится вообще невозможным... Природа противится спариванию более слабых существ с более сильными. Но в еще большей степени противно ей смешение высокой расы с низестоящей расой. Такое смешение ставит под вопрос всю тысячелетнюю работу природы над делом усовершенствования человека».²⁵

Под влиянием социального дарвинизма фашистская Германия приняла законы, в основу которых легли следующие идеи: 1) «неприспособленным» необходимо истребить; 2) евгеника улучшает общий уровень производительной и индивидуальной эффективности трудового класса и, в конечном счете, позволит создать «высшую арийскую расу».

Со времен Второй мировой войны интерес к евгенике, столь популярной в первой половине столетия, поугас. Теперь основной акцент делают на геномную терапию, генетические исследования и генетическое консультирование. Ученые и практикующие врачи используют знания о наследственных заболеваниях и других генетических проблемах, чтобы помочь тем людям, которым еще можно помочь. Однако в связи с этим неизбежно встают нравственные вопросы: можно ли изменить человеческие гены, если да, то в какой степени, и что делать, когда лечение невозможно?

В целом, евгеника исходит из той идеи, что люди изначально созданы неравными, и те, кто «находится на более высокой ступени эволюции», должны взять в свои руки судьбы человечества и тех, кто «менее развит». Во время Второй мировой войны Гитлер пытался управлять генофондом человечества с помощью евгеники; теперь в нашем распоряжении есть технологии, которые позволяют превратить общество в генетически высшую расу. В итоге мы преследуем ту же цель, к которой стремились и нацисты, и это может оказаться для нас губительным. Кроме того, примите во внимание

²⁵ Гитлер А. Моя борьба. – М.: Т-Оно, 1992 (курсив наш).

факт, что комиссии, подобные комиссии НИЗ, настаивают на произвольном пересмотре определения личности. Такой пересмотр в конечном счете приведет к тому, что право на жизнь тоже будет определяться людскими мнениями. Кто скажет: «Стон!»? Даже если мы попытаемся провести черту, где она будет проведена и кем?

В «Американском журнале закона и медицины» (*"American Journal of Law and Medicine"*) появилась статья, автор которой представляет на рассмотрение правительства следующую модель: родители сами выбирают определенное качество будущего ребенка – но так, чтобы не нанести этому ребенку вред.²⁶ Пора посмотреть правде в глаза: в западном обществе евгеника получает все более широкое распространение. Даже после позора Германии сторонники евгеники сохранили за собой право преследовать свои всегдашние цели – те же цели, которые преследовал Гитлер. Однако распространение евгеники в США после Второй мировой войны пока недостаточно хорошо изучено и документировано.

Отметим, что философия евгеники всегда тесно переплеталась с принципами эволюционной науки – в особенности с идеями естественного отбора и выживания сильнейшего. «Национал-социализм, – говорил лидер нацистской партии Рудольф Франц Фердинанд Гесс на массовом митинге в 1934 году, – не что иное как прикладная биология».²⁷ Нацистские ученые считали себя «культуризаторами генов и хранителями расы».²⁸ Не преследуем ли мы те же цели? Не для того ли мы прибегаем к евгенике, чтобы искоренить «наименее неприспособленных»?

Возьмем, к примеру, предродовое тестирование. Какова его конечная цель и о чем это говорит людям, страдающим теми самыми генетическими «пороками», для выявления которых и предназначено тестирование? Именно против этого выступила в марте 1995 года Рут Рикер – очень прямая и откровенная женщина, великодушно владеющая даром слова. Ростом Рут не выше третьеклассницы – она страдает ахондроплазией, врожденной формой малорослости. В публичном выступлении она заявила:

«Каковы шансы того, что через пару поколений будет гораздо меньше здоровых карликов?.. Мне далеко не безразлично, кого общество считает нормальным и здоровым. Через несколько лет, когда подобное тестирование будет доступно среднему гражданину, появится что-то вроде списка покупок. Нас [карликов] станет гораздо меньше – и мне от этого несколько не по себе».²⁹

²⁶ Owen D. Jones, "Reproductive Autonomy and Evolutionary Biology: A Regulatory Framework for Trait-Selection Technologies," *American Journal of Law and Medicine*, 1993, 19 (3), 187 – 231.

²⁷ Lois Wingerson, *Unnatural Selection: The Promise and the Power of Human Gene Research* (New York: Bantam, 1998), 171.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, 46 (курсив наш).

Лоис Уингерсон приводит еще один пример того, как выглядят подобные исследования с точки зрения людей с генетическими дефектами. Она рассказывает об опросе, проведенном мальчиком-школьником.

«Весной 1995 года... [пятнадцатилетний] Блэйн Детрейд-Ньюсом провел в Интернете опрос... Блэйн задал пять вопросов: «Если бы у нас была возможность избавить общество от инвалидности, поддержали бы вы соответствующие постановления? Каковы аргументы «за»? Каковы аргументы «против»? Что бы вы выбрали? Почему?»

Блэйн добавил, что страдает расщеплением позвоночника и гидроцефалией (водянкой головного мозга), поэтому у него «особые эмоции и особые ответы на эти вопросы»... Результаты опроса были неоднозначными... Эта неясность повлекла за собой любопытные комментарии. Многие хотели знать, что Блэйн имеет в виду под «избавлением» (он говорил о генной инженерии)... Почему он затеял это исследование и к каким выводам пришел?

«Мне интересно, думают ли люди, что без меня мир был бы лучше, — ответил Блэйн. — Я хочу знать, считают ли они жизнь инвалидов настолько невыносимой, что лучше бы нам умереть... Я почти всегда чувствую себя счастливым, и мне очень нравится жить» (Блэйн проводит большую часть дня в инвалидной коляске; мало кто может разобрать его речь; к моменту опроса он перенес одиннадцать операций).³⁰

Людам, страдающим генетическими пороками, даже пятнадцатилетнему мальчику, как нельзя более ясно, к чему ведут современные исследования: «Без вас мир станет лучше». Адепты евгеники пытаются убедить нас, что ценность человеческой жизни прямо пропорциональна генетической чистоте. Позже, говоря о клонировании, мы рассмотрим этические принципы, на которых сторонники евгеники и клонирования человека основывают свои взгляды. Сейчас мы хотим опровергнуть то заблуждение, что наука обязана каким-то образом произвести высшую расу. *Защитники евгеники ничем, по сути, не отличаются от нацистов*. Один из авторов книги «Этика биомедицины: противоположные взгляды», Ребекка Рискинд, цитирует статью фашистского ученого Йозефа Собрана:

«Факт остается фактом: как отмечает Йозеф Собран в статье «Ангел выбора», многие люди, считающие себя антифашистами, зачастую исходят из тех же предпосылок, что и исследователи-нацисты. Вот что Собран говорит о докторе Йозефе Менгеле, нацисте-

ком «ангеле смерти», который последние годы своей жизни провел в Аргентине, где делал аборт:

«Он считал себя человеком прогрессивным — и был прав. Он освободился от бремени нравственных предрассудков и встал в авангарде перемен. Он проводил эксперименты ради научного прогресса. Он разделял дарвинистские, материалистические взгляды своего времени. Но это и наше время, хотя фашизм отчасти вышел из моды. Аборты, эксперименты с зародышами, суррогатное материнство, генная инженерия — во всех этих нововведениях он *бы чувствовал себя как рыба в воде. Он мог справедливо считать себя первопроходцем, жертвой прогресса, опередившей свою эпоху.*

Фашистская «смертоносная наука» появилась задолго до Гитлера. Программы евгеники — всегда начинавшиеся во имя высоких гуманистических принципов — получили широкое распространение еще в Веймарской республике. *Нельзя сказать, что в одно прекрасное утро в немцах внезапно проснулось зло; общество постепенно приучали к размытости границ между наукой и зверством.*³¹

Как мы уже говорили, история фашизма неразрывно связана с дарвинистским мировоззрением — и при нынешнем положении дел в США мы не можем смотреть на это сквозь пальцы. Известный эволюционист Джулиан Гексли утверждал: «Теперь, в свете эволюционной биологии, человек понимает, что он — единственный проводник эволюционного прогресса на этой планете, и один из немногих инструментов прогресса во вселенной».³²

В одной из предыдущих книг мы уже говорили о явно преувеличенных надеждах на производство высшей расы на основе теории Дарвина. Вот цитата:

«Во-первых, не существует подлинных доказательств того, что род человеческий возник вследствие эволюционного процесса. И Священное Писание, и наука указывают, что человека создал Бог.³³ Во-вторых, наука со всеми ее техническими достижениями и хваленым всеведением не в состоянии изменить «к лучшему» даже муху-дрозофилу. Какой же путь предостан нам пройти, чтобы «усовершенствовать» человека? В-третьих, даже если мы способны достичь стабильных изменений человеческой расы, имеем ли мы на это моральное право? «Можем» не значит «обязаны», равно как то, что есть, не означает, что именно так и должно быть. *Даже если мы можем что-то сделать, это еще не значит, что мы должны*

³⁰ Rebecca Ryskind, "The Use of Fetal Tissue Would Encourage Abortion," quoted in *Biomedical Ethics: Opposing Viewpoints*, Terry O'Neill, ed. (San Diego: Greenhaven, 1994), 140–41 (курсив наш).

³¹ Julian S. Huxley, *Essays of a Biologist* (Harmondsworth: Penguin, 1959), 132.

³² См. главы 6 и 7.

³³ Lois Wingerson, *Unnatural Selection: The Promise and the Power of Human Gene Research* (New York: Bantam, 1998), 54–56 (курсив наш).

это делать. Научный прогресс далеко не всегда идет рука об руку с моралью. В-четвертых, даже если нам удастся изменить человека, откуда мы узнаем, что это будут изменения в лучшую сторону, а не просто дефекты? По каким стандартам мы определяем, что лучше, а что хуже? Ответ напрашивается сам собой: «По каким хотим, по таким и определяем».³⁴

Разумеется, возникает вопрос: «Кто устанавливает стандарты?» Кто определяет, какой человек «лучше»? Ученые? Медики? Правительство? Народ? Чем ближе мы к клонированию человека, тем ближе мы к фашистским моральным стандартам. От этой истины не уйти. Ведь целью нацистов было именно избавление общества от нежелательных элементов – более слабых или менее «приспособленных». Вспомните слова пятнадцатилетнего Блайна: «Мне интересно, думают ли люди, что без меня мир был бы лучше». Люди, поддерживавшие евгенику, цель которой – «улучшение» человечества, уже громко ответили на этот вопрос: да!

О КЛОНИРОВАНИИ ЧЕЛОВЕКА

Многие годы ученые использовали технологии клонирования для выведения лучших сортов зерновых культур и садовых деревьев, а гениые инженеры экспериментировали с домашним скотом. Настоящая революция в медицине, в результате которой появилась Долли (овца, клонированная из зрелой клетки), началась в середине XX столетия. С помощью методов, основанных на клонировании, и геной инженерии ученые пытаются создавать новые органы – такие, как печень, почки и даже сердце человека. Эти разработки, строго говоря, к клонированию не относятся, но в общественном сознании то и другое неразрывно связано.

Проект расшифровки человеческого генома со временем позволит распознавать еще большее число генетических заболеваний. Вопрос в том, когда и где должна быть проведена черта. А это зависит от того, где заканчивается медицина и начинается генетическое «совершенствование». И тут мы вновь возвращаемся к вопросам этики. Даже ученые-скептики считают, что технология клонирования человека будет развиваться, несмотря ни на какие препятствия; это лишь дело времени. Однако не многие знают, что успеху с Долли предшествовало 277 неудач. Что же происходит при неудачных попытках клонирования человека?

Мы доказали, что человек сотворен Богом, и что человеческая жизнь начинается в момент зачатия. Поэтому мы верим в Богом данные права человека и в ценность человеческой жизни. Но уже сейчас одно можно ска-

зат наверняка: если будут разрешены дальнейшие исследования по клонированию людей, жизнь, созданную учеными, не будут воспринимать как обладающую Богом данной ценностью, и на нее не будут распространяться права человека – по сути, как отмечалось выше, это уже происходит при исследовании человеческих эмбрионов.

Рекомендации комиссии НИЗ относительно того, является ли эмбрион личностью, а также современный подход к эмбриональным исследованиям ставят перед нами следующий этический вопрос: «Если человеческие эмбрионы – не люди, то что?» Разумеется, они – живые организмы. Но что происходит, если живые организмы – в частности, человеческие эмбрионы – не считаются личностями и не имеют прав человека? Это уже далеко не абстрактный вопрос; мы постоянно к нему возвращаемся и пугающе близко подходим к ответу, что человек – это «вещь», а не «личность». Задумайтесь над следующими выдержками из статьи в «Washington Post» (некоторые из них мы уже приводили):

«Один нью-йоркский ученый как ни в чем не бывало попытался запатентовать технологию производства существ – отчасти людей, отчасти животных, – с целью вновь разжечь дискуссию о моральной стороне патентования форм жизни и производства человеческих существ. Этот ученый, Стюарт Ньюмэн, специалист по молекулярной биологии из Нью-Йоркского медицинского колледжа, заявил, что он не создавал таких существ и не собирается. Напротив, сказал он, хотя подобные гибриды могут быть очень полезны в медицинских исследованиях, его цель – предостеречь использование технологий всеми желающими. Он хочет заставить Бюро патентов и товарных знаков США и американские суды пересмотреть 18-летнюю политику государства в отношении выдачи патентов на живые организмы. Он считает, что это идет вразрез с этикой и нравственностью.

Конечно, никто не выдает патенты на производство людей; однако специалисты по патентному праву заявляют, что в патентном кодексе США не сказано ничего, что помешало бы кому-то получить патент на существ, частично имеющих человеческие признаки. Бюро уже выдало несколько патентов на животных с «элементами» человека – в том числе на мышей, которым были вживлены человеческие раковые клетки и клетки иммунной системы. Патент Ньюмэну не дали; но некоторые специалисты полагают, что ему удастся достичь своей главной цели – развернуть в масштабе страны дискуссию о коммерциализации жизни в наш век, когда гены, клетки, ткани и органы все чаще выходят за пределы видов, когда стираются различия между человеком и животными.

³⁴ Norman L. Geisler, *Christian Ethics: Options and Issues* (Grand Rapids, Mich.: Baker, 1989), 178 (выделена курсивом).

«Это – типичная скользкая дорожка, – утверждает Томас Мюррей, директор Центра этики биомедицины при университете Западного резервного района. – Если мы вживляем один, или два, или три человеческих гена в животное, некоторым уже не по себе. Однако это однозначно еще не человек. А вот когда процент человеческих клеток... становится существенным – вот тогда-то и начинаются проблемы. Тогда перед нами встает сложный вопрос, что же значит быть человеком?... Патентное бюро не выдает патенты на человеческих существ на основании 13 Поправки к Конституции, запрещающей рабство. Однако Бюро еще не приходилось сталкиваться с вопросом, до какой степени «человеческим» должно быть животное, чтоб получить право на защиту... Многие годы Бюро предполагало, что невозможно запатентовать живые организмы, и согласилось выдать патенты на некоторые растения и семена только после специальных постановлений Конгресса. В 1978 году Бюро отказалось запатентовать одну-единственную бактерию, которая устранила бы нефтяные пятна с поверхности воды. Однако в 1980 году Верховный Суд США принял решение (пятью голосами против четырех), согласно которому можно выдать патенты на живые существа, если те соответствуют критериям для выдачи патента. Семь лет спустя эта инстанция выдала первый патент на животное – созданную с помощью генной инженерии мышь – и с тех пор выдала еще 79 патентов на живые существа; в том числе несколько патентов на мышей, крыс и кроликов, и по одному патенту – на искусственно созданную птицу, рыбу, свинью, морскую свинку, овцу и моллюска «морское ушко». Кроме того, было выдано более 1800 патентов на гены и линии выращенных клеток, в том числе человеческих, которые, по мнению ученых, могут послужить медицине.

«Клонирование овцы Долли и остальные достижения последних лет свидетельствуют о научном прогрессе и о том, что эти вопросы стали актуальными, – говорит О'Коннор, нынешний исполнительный директор Американского института медицинской и биологической инженерии в Вашингтоне. – Что делает человека человеком? Несколько клеток? Конечность? Весь человек? Химера [чудовище из греческой мифологии]? У нас нет определения человека, на которое можно было бы опираться при выдаче патентов».³⁵

Создается впечатление, что мы возвращаемся к тому же доводу, что и в случае с абортми и эвтаназией, только в другом аспекте. Права человека основаны на классическом понимании естественного закона и заложены Богом ценности человеческой жизни.³⁶ По мере успехов науки в обла-

сти клонирования человека формируется представление, что одни люди могут получить полную власть над жизнью других (господство человека над жизнью), вплоть до программирования их будущей биологической принадлежности, которая выбирается по случайным или сугубо утилитарным критериям (цель оправдывает средства). Эта концепция селекции человеческих жизней имеет, помимо прочего, серьезные культурные последствия: растет убежденность общества в том, что ценность человека связана не с его принадлежностью к роду человеческому, а лишь с биологическими качествами, которые можно оценивать и, следовательно, отбирать (так называемый принцип «качества жизни»). Кроме того, бытует мнение, что наши выдающиеся технические достижения обязывают нас направлять эволюцию к созданию высшей расы.

Нетрудно представить себе страну, которая в один прекрасный день возьмется финансировать общенациональную программу, основанную на социальном дарвинизме, сродни программе нацистской Германии (генная инженерия людей, направленная на выделение некоторых желаемых особенностей и достижение генетического превосходства). Как только удастся создать «совершенного человека», можно будет использовать эмбриональное клонирование для воспроизведения этого человека и, возможно, произвести неограниченное число его клонов. Аналогичные методы могут быть использованы и для производства генетически низшего класса для эксплуатации: например, людей с умом ниже среднего и выдающимися физическими способностями. Очевидно, к каким ужасающим последствиям это может привести, особенно если технология окажется в руках руководителей, не имеющих представления о нравственности.

Таково положение дел с евгеникой и клонированием людей. В связи с этим возникают этические вопросы, темпы решения которых катастрофически отстают от темпов научно-технического прогресса. Сторонники клонирования человека выдвигают следующие этические принципы:

1. Принцип «качества жизни».
2. Господство человека над жизнью.
3. Долг человека – создание высшей расы.
4. «Цель оправдывает средства» (утилитаризм).

Давайте подробнее рассмотрим эти принципы и постараемся объяснить, почему они не в состоянии рационально обосновать и оправдать евгенику и клонирование людей.³⁷

³⁵ Rick Weiss, «Patent Sought on Making of Part-Human Creatures. Scientists Seek to Touch Off Ethics Debate», *Washington Post*, April 2, 1998, A12.

³⁶ См. главы 9 и 10.

³⁷ Здесь мы приводим эти принципы в сокращенном виде. Более развернутый анализ вы найдете в книге Norman L. Geisler, *Christian Ethics: Options and Issues* (Grand Rapids, Mich.: Baker, 1989), 173–92.

ПРИНЦИП «КАЧЕСТВА ЖИЗНИ»

Принцип качества жизни – просто одна из форм утилитаризма (наибольшее благо для наибольшего количества людей). Но зададимся вопросом: что же такое «качество жизни»? Зачастую этим размычатым и широким определением прикрывают, словно ширмой, отсутствие этических принципов. Кто определяет, что такое «качество»? Пациент? Врач? Специальные комиссии? Общество? Откуда нам знать, как достичь этого иллюзорного «качества жизни»? Надо быть Богом, чтоб предусмотреть все возможности и знать наверняка, что наши генетические погуги действительно позволят улучшить расу. Возможно, это позволит справиться с некоторыми проблемами, зато наверняка породит множество других. Генетическое превосходство сделает человека надменным, алчным, безжалостным завоевателем.

ГОСПОДСТВО ЧЕЛОВЕКА НАД ЖИЗНЬЮ

Представление, что человек – хозяин жизни, ошибочно. Мы не создали код ДНК, мы лишь открыли его. Все попытки воспроизвести сотворение жизни оказались безуспешными. Несмотря на все наши медицинские достижения, смерть по-прежнему доказывает нам, что мы не властны над жизнью.

ДОЛГ ПО СОЗДАНИЮ ВЫСШЕЙ РАСЫ

Откуда-то появилось ошибочное мнение, что перед нами стоит такая обязанность. У нас уже есть ужасный опыт прошлых попыток, так что пора бы от этой идеи отказаться. Опять же, это предполагает, что генетическое превосходство каким-то образом улучшит человечество. Однако на каком этическом основании должны мы это делать? «Можем» не значит «обязаны», равно как то, что есть, не означает, что именно так и должно быть. Даже если мы можем что-то сделать, это еще не значит, что мы должны это делать. Как говорил Клайв Льюис: «Бессмысленно говорить об «улучшении», если «лучше» означает лишь «то, какими мы становимся». Это все равно, что поздравить себя с прибытием в пункт назначения, определяя этот пункт как «место, куда мы прибыли».³⁸

«ЦЕЛЬ ОПРАВДЫВАЕТ СРЕДСТВА»

Мы можем быть уверены, что конечная цель оправдывает средства, только если в точности знаем, каким он будет, этот конец. Однако такое знание нам недоступно. Потому сами средства, равно как и цель, тоже должны быть оправданными. Не всякая цель хороша, даже если ее приветствует большин-

ство. Чтобы доказать, что эта цель благая, нужен стандарт. Фашисты тоже считали, что их цель – сделать мир лучше – оправдывает средства. Они ошибались! Но если достижение благой цели оправдывает любые средства, логика вынуждает нас признать, что фашисты были правы! Можно представить, по каким сценариям будет развиваться решение медицинских, психологических, социальных и политических проблем на основании подобной этики!

Единственный способ остановить стремление к желанной цели – клонированию «генетически высшей» человеческой расы – признать, что ценность человеческой жизни и права человека заповеданы Богом. Прекращение проекта клонирования человека – наша нравственная обязанность, которая должна найти отражение в культурном, социальном и правовом аспекте нашей жизни. Нужно научиться отличать прогресс науки от прогресса фашистской науки. Те, кто защищает «прогресс» евгеники, пропагандируя отношение к человеку как к средству для достижения других целей, в конечном счете, роют могилу любому обществу.

Наконец, мы хотим сказать, что отрицание данных Богом прав человека и ценности человеческой жизни ведет к новым формам рабства, дискриминации и страдания. Бог доверил созданный человечеству Им мир, наделив нас свободой и разумом. Мы должны научиться узнавать, где Бог проведет грань между добром и злом. А узнать это мы можем из Слова Божьего, Библии. Если рассматривать жизнь не как дар Божий, а просто как товар, то из научных исследований уходит совесть и справедливость. Когда наука заманивается на святость человеческой жизни, государство гибнет.

Наша страна забыла, что человеческая жизнь и свобода – это Божьи дары. Не стоит забывать предупреждение автора Декларации независимости Томаса Джефферсона, которое высечено в мраморе на северо-восточной стене Мемориала Джефферсона в Вашингтоне, округ Колумбия:

«Бог, давший нам жизнь, даровал нам и свободу. Может ли народ жить спокойно, если мы откажемся от убеждения, что свобода – дар Божий? Я трепещу в страхе за свою страну, когда думаю о том, что Бог праведен, и что его праведный суд рано или поздно свершится».

³⁸ C. S. Lewis, *God in the Dock* (Grand Rapids, Mich.: Eerdmans, 1970), 21.

ЛИТЕРАТУРА

- Adler, Jerry. "The Last Days of Auschwitz," *Newsweek*, January 16, 1995, 47.
- Adler, Mortimer J. *The Great Ideas: A Lexicon of Western Thought* (New York: Macmillan, 1992).
- . *Haves Without Have-Nots* (New York: Macmillan, 1991).
- . *How to Think about God* (New York: Macmillan, 1980).
- . *A Second Look in the Rearview Mirror* (New York: Macmillan, 1992).
- . *Truth in Religion: The Plurality of Religions and the Unity of Truth* (New York: Macmillan, 1990).
- Annas, George J., and Michael A. Grodin, *The Nazi Doctors and the Nuremberg Code: Human Rights in Human Experimentation* (New York: Oxford University Press, 1992).
- Archer, Gleason L. *Encyclopedia of Biblical Difficulties* (Grand Rapids, Mich.: Zondervan, 1982).
- Asimov, Isaac. *Asimov's Guide to Science* (New York: Basic Books, 1972).
- Audi, Robert, ed. *The Cambridge Dictionary of Philosophy* (Cambridge: Cambridge University Press, 1995).
- Beckwith, Francis J., and Norman L. Geisler, *Matters of Life and Death* (Grand Rapids: Baker, 1991).
- Behe, Michael J. *Darwin's Black Box: The Biochemical Challenge to Evolution* (New York: Free Press, 1996).
- Bennett, William R., Jr. *Scientific and Engineering Problem Solving With the Computer* (Englewood Cliffs, N. J.: Prentice Hall, 1976).
- Bloom, Allan. *The Closing of the American Mind* (New York: Simon & Schuster, 1987).
- Bowen, Ezra. "Looking to Its Roots," *Time*, May 25, 1987, 26 - 29.
- Bruce, F. F. *The New Testament Documents: Are They Reliable?* (Grand Rapids, Mich.: Eerdmans, 1985).
- Budziszewski, J. *Written on the Heart: The Case for Natural Law* (Downers Grove, Ill.: InterVarsity, 1997).
- Buswell, James Oliver Jr. *A Systematic Theology of the Christian Religion* (Grand Rapids, Mich.: Zondervan, 1962).
- Chesterton, G. K. *Orthodoxy* (New York: Doubleday, 1959).
- Clark, Ronald W. *Einstein: The Life and Times* (New York: Avon Books, 1972).